

МАРИНА
СФИМИНЮК

СЕРДЦЕ АБРИСА
МЕЖДУ ДВУМЯ МИРАМИ

— Магия, меняющая мир —

Марина Владимировна Ефиминюк

Между двумя мирами.

Сердце Абриса

Серия «Между двумя мирами», книга 2

**Серия «Необыкновенная
магия. Шедевры Рунета»**

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64031316

Марина Ефиминюк. Между двумя мирами. Сердце Абриса: АСТ;

Москва; 2021

ISBN 978-5-17-120296-5

Аннотация

Семь месяцев назад раскололись миры, закрылись магические ворота и растаял призрачный город, много лет паривший над Теветом. Как отчаянно я искала путь к Кайдену! Изучала темную магию, чертила руны, но никак не ожидала, что по другую сторону двери в Абрис вместо любимого мужчины встречу чужака, забывшего даже мое имя. И буду вынуждена выбрать: уйти или остаться, отступить или попытаться разбудить заснувшее сердце темного мага, отпустить или все-таки бороться за любовь, способную разрушить меня саму.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	47
Глава 3	101
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Марина Ефиминюк

Между двумя мирами.

Сердце Абриса

© М. Ефиминюк, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Пролог

Семь поколений назад чудовищной силы магический взрыв свел вместе две параллельные Вселенные, и мир светлой магии Тевет узнал о существовании Абриса, живущего по законам темного рунического колдовства. Так началась эпоха *после Схождения*. Эпоха ненависти и запретов, неумения находить общий язык и нежелания жить под одним небом.

Семь месяцев назад случился новый взрыв, и Вселенные разошлись. Но Тевет, долгие годы мечтавший избавиться от опасного соседа, оказался не готов к стремительным, неизбежным и подчас пугающим переменам. Ослабевало действие рун, рождались дети без признаков светлого дара, на глазах менялись ценности. С легкой руки газетных листов новое время назвали эпохой *Расхождения*, и пока никто до конца не понимал, какие трудности ждали Тевет.

Наверное, я была ужасным человеком, раз могла без угрызений совести жить с осознанием, что заставила меняться целые миры.

И еще.

Я не мечтала, не верила, а знала точно, что скоро открою двери в Абрис и вернусь к тому, с кем осталось мое сердце.

Глава 1

Незнакомец за невидимой стеной

Прошлой осенью мои руки изрезали рунами Абриса, и прямо сейчас шрамы горели как проклятые. Под столом, чтобы, не дай светлые духи, не заметили девчонки, я отодвинула длинный рукав жакета и проверила запястье, куда дотягивался тонкий шрам от одного из символов. Он светился, и казалось, будто под кожу продели алую нить. Такое случилось частенько, но... Чего ж именно сегодня, когда сводная сестра Полина притащила меня знакомиться со своими подругами в пафосную ресторацию на набережной Венты?!

– Ничего себе! – охнула Поля, и меня как магическим рядом шибануло.

В Тевете считалось, что даже одна абрисская руна, выжженная на теле, оскверняла чистый светлый дар, у меня их имелся почти десяток.

Первую руну, «знание», нанесли на ладонь, когда год назад украли в Абрис на дикую вечеринку темных паладинов. Символ скрыть не выходило. После многих перемещений через границу миров тонкий шрам превратился в розоватый неровный рубец и был слишком заметен. Об остальных темных знаках знали только отец и тетушка Матильда. По большому счету я плевать хотела на мнение окружающих, но ко-

гда руны светились красным цветом абрисской магии, то даже глупец был способен догадаться, что с моим даром Истинного света происходило нечто неправильное... Неправильное настолько, что я умела пробуждать темные руны. Таких магов в Абрисе называли «двуликими» и уничтожали. Никакого права на помилование.

Быстро одернув рукав, я приготовилась соврать что-нибудь изящное, но тут сестра с восторгом добавила:

– Смотрите, он здесь! Григорий Покровский!

Мм?

– Светлые духи, вблизи он выглядит еще лучше! – с восторгом зашептались подружки. – Даже лучше принца Эдварда!

Оказалось, что в девчонках вызвал приступ экзальтации высокий худощавый шатен по виду около тридцати лет. На мой взгляд, мужчина как мужчина. Не лучше и не хуже других. Может, конечно, в нем имелись скрытые достоинства, с первого взгляда неразличимые, но до принца Тевета ему точно было как на хромой собаке до луны.

– Какой же красавчик... – мечтательно вздохнула Олеся, подруга детства Полины. – Даже не верится, что приехал из провинции всего год назад.

Тут-то у «красавчика» открылся первый талант: острый слух. Он различил хихиканье и оглянулся. При виде пяти барышень возраста выпускниц Института благородных девиц беднягу нешуточно скривило. Судя по всему, за год,

проведенный в Городе кленов, у господина Покровского выработалась стойкая непереносимость напористых столичных невест.

Чтобы сдержать издевательский смешок, я прикусила изнутри щеку и отвернулась к окну. На улице затухал неспешный летний день. Блестели в лучах заходящего солнца спокойные воды Венты. В бледнеющем небе плыли розоватые перистые облака. Меньше года назад над Теветом парил прозрачный город, но после Расхождения вселенных Абрис растаял без следа. Когда-то я мечтала по ночам наблюдать за звездами, но теперь многое отдала бы, чтобы снова увидеть очертания параллельного мира.

– Поля, как он на тебя посмотрел! Даже у меня сердце екнуло! – горячо зашептала Олеся, захлебываясь от радости, словно лично удостоилась заинтересованного взгляда мужчины.

– Он точно тебя заметил, – без должного энтузиазма поддакнули две другие подружки, поразительно похожие внешне. Я начисто забыла их имена уже через три секунды после знакомства и мысленно окрестила «двойняшками».

– Да бросьте, – кокетливо отозвалась Полина. – Он разглядывал Валерию.

За столом воцарилось выжидательное молчание. В мою сторону уставились четыре пары глаз, одинаково подведенные черными стрелочками.

– Что? – не поняла я.

– Он смотрел на тебя? – подсказала Олеся.

Видимо, мне следовало убедить сестру, а заодно и новых приятельниц, что ни один приличный мужчина, особенно Григорий Покровский, кем бы он ни являлся, никогда не обратит внимания на затворницу с рубцом темной руны во всю ладонь. Девушки просто не догадывались, что я никогда не страдала ни комплексом неполноценности, ни желанием подпитывать чужое эго.

– Кто вообще этот парень?

– Ты точно артефакторша? – фыркнула Олеся. – Как ты его можешь не знать?

– А ты секретарша в конторе судебных заступников, – парировала я. – Ты знаешь фамилию столичного мирового судьи?

– Я секретарь! – ошетинулась та. – И судью зовут... господин... господин...

– Железнов, – подсказала я. – К слову, специальности «артефакторша» не существует.

– Девочки, не ссорьтесь, – вклинилась Полина. – Валерия просто вернулась в столицу совсем недавно и еще не в курсе последних новостей. Я тебе все расскажу, сестричка. Григорий Покровский – личный артефактор королевской семьи. Абсолютно свободен, никаких жен и невест, даже постоянной подружки нет. Годовой доход три тысячи сто пять золотых и сорок два пенса. Матушка живет в провинции на другом конце Тевета. В этом году его признали самым завидным

женихом столицы.

– Идеальная партия, – выдохнула одна из «двойняшек».

– Вы подкупили его счетовода? – уколола я.

– Светлые духи! Нет, конечно. Наняли частного сыщика, – поделилась Полина. – Только, чур, маме не говори! Она мне голову снесет, если узнает, что я сняла деньги с нашего счета в монетном дворе.

– Когда ты выйдешь за него замуж, то все расходы окупятся, – передернула плечами Олеся и демонстративно пригубила давно опустевшую чашечку.

Чай девчонки заказали в складчину, но самый дорогой. Цедили весь вечер и уже три раза просили подлить кипятку, размыв заварку до состояния подкрашенной водицы. Лично я чувствовала себя неловко перед порядком раздраженным подавальщиком и мысленно пообещала оставить ему немного монет на порошки от нервного тика.

– Сестричка, успокой меня, – протянула Полина, – скажи, что твой отец не такой скряга, как моя маман.

– Ну...

В прошлом году я попросила у родителя золотые на штраф за скольжение в Абрис, закономерно получила отказ и была вынуждена устроиться на полставки стажером в университетскую библиотеку.

– Честно говоря, мне всегда платили стипендию.

– Тебе хватало?

– Вполне.

Походами по модным лавкам я не увлекалась, а от цен в дорогих ресторациях даже без еды получала несварение. Всю жизнь моим единственным увлечением являлась артефакторика, но посещения библиотеки или учебной лаборатории больших материальных затрат никогда не требовали.

– Так и знала, что он скряга, – понимающе вздохнула Полина. – Как бы они еще сошлись с моей матушкой? Она думает, что я слишком много трачу на туфли.

– Разве можно в столице сделать нормальную партию, если носишь туфли не от Колина. – Обе «двойняшки» выглядели возмущенными.

– Верно, – усмехнулась я, постеснявшись уточнить, кто такой этот самый Колин.

Они принялись обсуждать обувь, а мое внимание привлек вид за окном. Погода взбесилась. Только-только небо было светлым и чистым, но вдруг на улице начало стремительно смеркаться, сгустились свинцовые тучи. Стекло усеяли мелкие дождевые капли, и без продыху на землю обрушился яростный ливень. Набережная Венты скрылась за белесой пеленой.

– Как теперь добраться домой? – не осознавая, что говорю вслух, пробормотала я.

– Можно попытаться поймать кеб, – с иронией подсказала одна из девчонок.

– В такой дождь экипаж смоем вместе с возницей.

– Какой дождь? – не поняли подружки.

– В смысле?

Я глянула в обеденный зал и оторопела. За моим окном бушевала непогода, бесилась свирепая стихия. Казалось, что город будет смыт! Но ресторацию по-прежнему окрашивали лучи заходящего солнца. Звенели столовые приборы, народ мирно ужинал, вел тихие беседы и не обращал внимания на странности природы.

Какого дьявола?!

Неужели «Сердце Абриса», артефакт для перемещения в параллельный мир, над которым я втайне трудилась долгие месяцы, пробудился? Значит, дождь хлестал вовсе не в Тевете, а в Абрисе!

Я поспешно сдернула со стула матерчатую сумку и принялась копаться в ней, пытаюсь отыскать артефакт в кожаном чехле.

– Валерия, ты в порядке? – уточнила Полина.

Приходя в чувство, я замерла и обвела примолкнувших девчонок осторожным взглядом. Они таращились на меня как на припадочную.

– Знаете, я тут вспомнила про одно важное дело... – выдержав паузу, объявила я и поднялась, неловко толкнув стол. Посуда истерично зазвенела, а у Олеси с блюда соскользнула чайная ложка.

– Ладно, – сводная сестра кивнула. – Встретимся в храме?

– Да, – растерянно пробормотала я, крепко сжимая сумку. В последний день седмицы у наших родителей должен был

пройти обряд венчания. К церемонии будущая мачеха заказала мне розовое платье с открытыми плечами и совершенно отвратительные туфли на высоченных каблуках. Скорее всего от приснопамятного Колина.

Стоило отойти на пару шагов, как девчонки зашептались, перебивая друг друга:

– Вы видели руну у нее на ладони? Какая гадость...

– А глаза? До сих пор мурашки бегут.

– Поли, она точно артефакторша? Спорим, что врет? – фыркнула Олеся.

Выбравшись из обеденного зала, я нырнула в дамскую комнату. Дождалась, когда помещение опустеет, и вытащила из сумки артефакт. Если он и пробуждался, то уже погас. «Сердце Абриса» выглядело как обычный карманный хронометр без крышки и циферблата, но в корпусе прятался особенный механизм из специально выплавленного металла. Вместо цифр была нанесена тонкая руническая вязь, дикая смесь между темными и светлыми рунами. Вчера я попыталась связать символы на циферблате с теми, что были вырезаны у меня на руках. Видимо, по этой причине я оказалась единственной во всей ресторации, кто увидел раскол в пространстве. Когда в туалете открылась дверь и впустила двух дам, то я быстро спрятала артефакт в карман и прошмыгнула в холл.

Натягивая на ходу заплечную сумку, направилась к высоким дверям. Швейцар услужливо открыл тяжелую створку

и попрощался. Я вышла под козырек ресторации и остолбенела. Тихая набережная Венты, утопающая в закатных лучах, снова исчезла. Улица была незнакома. Сильный и злой ливень нещадно хлестал по брусчатке, выбивая в огромных лужах пузыри. По краям пешеходной мостовой к решеткам водостоков бежали мощные, стремительные потоки. Навстречу яростному дождю ехали экипажи и во влажной дымке расплывались зажженные огни на их крышах. Однако была странность: в воздухе совершенно не ощущалось дождевой свежести. Параллельный мир был отделен прозрачной стеной.

Опомнившись, я полезла в сумку за артефактом, но за спиной вдруг раздался незнакомый мужской голос:

– Скорее всего в Абрисе сейчас ливень.

– Простите? – опешила я и оглянулась через плечо.

За моей спиной стоял «самый завидный жених столицы». Он достал из внутреннего кармана светлого пиджака серебряный портсигар, но не торопился открывать.

– Теория искажения, – подсказал он. – Если в Тевете солнце, то в Абрисе идет дождь.

– Какая редкостная недоказуемая чушь, – пробормотала я и кивнула на портсигар: – Не стесняйтесь.

– Неловко курить при девушке, которая отвернулась к окну, чтобы надо мной посмеяться. Что такого забавного сказали ваши подруги? – Он все же достал тонкую коричневую сигариллу, помял в руках, а потом спрятал обратно, так и не

прикурив.

– Назвали вас самым завидным женихом столицы.

От широкой улыбки на гладком лице королевского артефактора заиграли привлекательные ямочки.

– Напрасно смеетесь, – кивнула я, и мужчина вопросительно заломил бровь. – Вы должны быть крайне осторожны. Девушки настроены решительно и уже знают ваш годовой доход.

– Они подкупили моего счетовода? – поперхнулся изумленный жених.

– Наняли частного сыщика, – развеселилась я.

– Вы шутите?

– Отнюдь.

Некоторое время мы стояли в молчании. До нервной почесухи хотелось прикоснуться к границе хотя бы кончиком пальца, но самый завидный жених столицы, имя которого начисто выветрилось из головы, никуда не торопился. Ресторация словно превратилась в крошечный островок посреди бескрайнего океана. Было и страшно, и любопытно вступить под абрисский дождь, и пока я следила за буйством летней грозы, мужчина изучал меня.

– Что-то хотели сказать? – не удержалась я.

– Сегодня очень красивый закат.

Раскол закрылся неожиданно: по воздуху пробежала волна, словно смывшая изображение дождливого города. Появилась тихая набережная с горожанами, совершающими

променад. Деревянный пирс и спокойная Вента с блестящей на солнце водой.

– Верно, – задумчиво отозвалась я, вдруг осознав, какое нечеловеческое напряжение испытывала от того, как близко – трусиха! – подобралась к Абрису. – Погода сегодня исключительная. Мне пора.

Хотелось немедленно уйти, не задерживаясь ни на секунду, чтобы спокойно проверить артефакт.

– Валерия, постойте! – позвал мужчина, заставив меня с удивлением оглянуться.

– Вы знаете мое имя?

– Понимаю, что было глупо притворяться, будто я не догадываюсь, кто вы такая.

– Весьма, – согласилась я. – Не помню, чтобы нас представляли.

– Мы прежде никогда не встречались, – признался он и вытащил золотую визитницу. – Меня зовут Григорий Покровский. Я корол...

– Вашу должность мне назвали вместе с годовым доходом, – перебила я, принимая глянцевую карточку с выдавленным в уголке гербом Королевской артефакторной лаборатории. – И что именно королевский артефактор хотел от адептки четвертого курса, последний год просидевшей в академическом отпуске?

– Я хотел поздравить вас с получением лицензии.

– Грамоту мне выдали еще зимой, – заметила я.

– Все так, но я писал вам. Все мои послания остались без ответа.

Некоторое время назад из Кромвеля, куда по-прежнему приходила корреспонденция, были переданы пачки писем. В нашем доме переписку в основном вел папа, университетский профессор истории, и я даже не прикоснулась к тем перевязанным бечевкой стопкам.

– Извините, – без сожаления пожала я плечами. – В свое оправдание позвольте сказать, что четверокурсники, получившие рабочие лицензии, бывают ужасно занятыми.

Разрешение от принцессы Теветской привезла в отцовский особняк ее личная помощница. Отдала со словами, что глупо сдерживать уникальный талант какими-то формальностями, и вместе с документами вручила первый заказ. Я не стала задавать неудобных вопросов, но про себя решила, что королевская семья не смогла договориться о цене с Кромвельским университетом, на время учебы владеющим любыми моими артефактами, и обошла правила. Другими словами, Григорий Покровский должен был тихо ненавидеть выскочку, ведь известная своим капризным нравом принцесса отдала предпочтение девчонке, даже не окончившей университет.

– А теперь позвольте попрощаться, господин Покровский, – едва заметно поклонилась я, отдав дань этикету. – И помните, что летом начинается сезон отлова завидных женихов столицы. Вы в группе риска.

Но он не позволил мне даже шагу ступить.

– Я представлял вас совершенно другой, Валерия.

– Мужчиной? – не удержалась я от шпильки.

Он рассмеялся:

– Не мужчиной... Артефакты Лерой Уваровой заволашеивают своей филигранностью. Ваша магия неповторима. Каждый раз, когда я смотрю на часы ее высочества, мне хочется разобрать их на винтики и узнать, какие руны вы использовали.

– Это называется промышленным шпионажем, – пошутила я.

– Я восхищаюсь вашим талантом. – Он поймал мой взгляд.

– Пытаетесь мне польстить, господин Покровский?

– Пытаетесь кокетничать, Валерия? – парировал он. – Вы прекрасно знаете себе цену. Так ведь? Просто я не подозревал, что вы настолько...

– Юна?

– Красивы.

Всегда считала, что после Кайдена Николаса Вудса мужчины были просто не способны лишить меня дара речи, но у Григория Покровского получилось. Я вдруг осознала, что не только не могу придумать ни одного колкого, ироничного ответа, но и начинаю заливаться краской.

– Кажется, я вас смутил, – улыбнулся он.

– Да, – прямо ответила я. – И на этой странной ноте раз-

решите мне откланяться.

– Подвезти вас?

– И раскрыть вам, где я живу, страшный человек? – строила я фальшиво-испуганный вид. – Разве вы не слышали, что красивым девушкам нельзя садиться в кареты к плохо знакомым мужчинам? Удачи, господин Покровский.

Мужчина стоял в расслабленной позе. Руки были небрежно спрятаны в карманы брюк, на лице светилась обаятельная улыбка, смеялись теплые серые глаза.

– До встречи, Валерия.

– До встречи? – изогнула я брови.

– Вы ведь должны меня смутить в ответ. Разве флирт не так работает?

Неожиданно у меня заныло сердце. Мы с Кайденом долго вели эту слишком взрослую и раздражающую девятнадцатилетнюю девчонку игру: кидались вопросами, но не давали на них ответов. Десятки повисших в воздухе, никому не нужных вопросов.

Потому что именно так работал флирт.

* * *

Кайден настиг меня. Я прижималась спиной к паркетному полу и не смела пошевелиться. Острие магического меча было направлено на истерично бьющуюся жилку на шее.

– Умоляю, не надо... – прошептала я, хотя знала, что

двуликая не способна пробудить жалость или сострадание в темном паладине.

Лицо Кая было замкнутым, губы крепко сжаты. Он никогда не вступал в переговоры с жертвами. Видимо, считал, что говорить с покойниками – напрасная трата времени.

– Ты пожалеешь...

– Вряд ли, – вдруг ответил он и ударил.

Вскрикнув, в холодном поту, я села на кровати и схватилась за горло. Ничего, никаких ран! Растерев лицо ладонями, выдохнула от облегчения.

Кошмар, в котором Кайден убивал меня, был таким реалистичным, что, пробуждаясь, я не сразу понимала, где заканчивался сон и начиналась явь. И столько раз видела, а все равно страшно до оцепенения.

Детская спальня с розовыми обоями и макетами несуществующих артефактов на полках была залита солнечным светом. Сквозь открытое окно проникал радостный птичий гомон, рассыпавшийся звонкими колокольчиками. Сегодня отец женился второй раз. На портновском манекене висело шелковое розовое платье. Пришитые на лифе прозрачные кристаллы блестели как драгоценные камни.

Заставив меня вздрогнуть, дверь в спальню отворилась. Сквозняк парусом надул легкую белую занавеску, перерыл открытую на столе записную книжку, выдул спрятанные между страничками листочки. Надо было бы собрать запис-

ки, но вставать не хотелось.

Пятясь, тетушка Матильда осторожно внесла поднос с завтраком. Она была в халате и с рядком папилюток на свежевыкрашенных хной волосах: готовилась к венчальному обряду.

– Проснулась?

Одной рукой Матильда осторожно сдвинула на край стола самописные перья, блокнот, невнятную мелочовку, больше характерную для мужской мастерской, чем для спальни двадцатилетней девицы, и пристроила поднос:

– Валерия, уже половина седьмого. Вставай, иначе не успеешь собраться. Отец тебя в жизни не простит.

– Знаю.

– Опять под утро спать пошла?

Матильда налила в чашку чай. В воздухе повеяло бодрящим чабрецом.

– Нет, легла в полночь, – не моргнув глазом, соврала я.

– Я слышала на рассвете, как ты поднималась по лестнице.

– А сама почему не спала?

– У меня бессонница с тех пор, как наш подвал превратился в твою мастерскую. Боюсь заснуть в кровати, а проснуться на золотом облаке в окружении светлых духов. Что это? – пробормотала она, привычно перепрыгивая с темы на тему, и вытащила из стеклянной коробочки «Сердце Абриса». – Какие странные часы. Их надо завести?

Не успела я рта открыть, как Матильда встряхнула арте-

факт.

– Нет! – вскрикнула я, слетая с кровати. – Не трясись! Это артефакт, а не часы!

Но было поздно, в одно мгновение на циферблате вспыхнули алым цветом крошечные руны, а у меня на руках, отзываясь на смесь светлой и темной магии, загорелись шрамы. Видимо, тетку ощутимо укололо разрядом. Она охнула и выпустила вещицу. От звона, с каким артефакт шибанулся о стеклянное дно коробочки, меня перекосило.

– Вот! – Матильда ткнула пальцем в часы, стрелки на которых закрутились в разные стороны. – Об этом я и говорю! Живем как на магической взрывчатке! Страшно!

Точно услышав стенания, «Сердце» потухло. Стрелки остановились.

– Ворчунья! – прикрикнула я с улыбкой, когда тетка выходила из комнаты.

Чтобы привести себя в человеческий вид пришлось потратить больше двух часов. Маскирующий крем практически скрыл бессонные тени под глазами, а специальный эликсир придал русым волосам, едва достававшим до подбородка, блеск и гладкость. А коль намазала лицо тоном, пришлось накрасить ресницы и подвести стрелочки. Глаза вдруг стали выглядеть ярче и больше, как у фарфоровой куклы.

Раньше у меня были самые обычные каре-зеленые глаза, но взрыв выжег пигмент. Радужка приобрела стальной цвет, в точности как у темных паладинов. Даже самой жутковато

становилось. С помощью магии замаскироваться не получалось и приходилось жить с тем, что имела. Хорошо, вообще не ослепла.

Шевелюре повезло еще меньше: длинную косу спалило. Несколько месяцев волосы не росли, делая меня похожей на худенького узкоплечего парня. От мальчишеской стрижки удалось избавиться только благодаря теткиным перечным притиркам. На обряд венчания я даже приколола цветочный венок, на котором настаивала Анна.

При взгляде на бледное отражение в длинном розовом платье, неудачно открывавшем плечи и руки, у меня возникало подозрение, что будущая маменька втайне не выносила мысль о второй взрослой дочери, хотя абсолютно все считали, будто именно я выступала против отцовской женитьбы. Видимо, по классическому сюжету или падчерица, или мачеха, а иногда обе в равной степени, были обязаны выступать в роли злодеек и портить главе семейства жизнь. Ничего не скажу за Анну, но я испытывала облегчение, что после моего побега в Абрис отец не останется одиноким вдовцом, живущим с ворчливой сестрой в ветшающем особняке.

Хотя Матильду она точно невзлюбила. Иного объяснения, почему женщину тетушкиных габаритов тоже заставили обрядиться в розовое платье, просто не находилось. В праздничном одеянии она напоминала пирожное, украшенное маленькими кремовыми цветочками.

Придерживая длинный подол платья, я спустилась на пер-

вый этаж. В холле творился бардак. С вечера в особняк привезли пять огромных дорожных сундуков с вещами новых жилищек и розовую (как мое платье) корзинку для собачки Анны. Существом белая болонка Кнопочка была визгливым и нервным, а наш старый дом отличался гулкостью и высокими сводами. Я уже предвкушала, как от стен при всяком удобном случае станет отражаться звонкий лай.

Папа нашелся в кабинете. Одетый в традиционный теветский костюм – широкие шелковые брюки и тунику с разрезами, он задумчиво изучал семейный портрет, нарисованный еще до болезни мамы. Вдруг мне пришла в голову неприятная мысль, что теперь наши портреты переедут на чердак, а их место займут совсем другие картины.

– Привет. – Я встала рядом с отцом. Из-за высоких шпилек мы оказались практически одного роста.

– Она ведь меня не осуждает? – произнес он.

– Она не имеет права тебя осуждать, – понимая, что он хочет благословения, вымолвила я. – Ты слишком долго хранил маме верность. Страдать вечно невозможно.

– Не верю, что именно ты говоришь эти слова, – намекнул он на нас с Кайденом.

– У меня другой случай. Мы с Каем не расставались.

В прошлом году, когда папа узнал о моем романе с двадцативосьмилетним наследником правящего клана в Абрисе, то пришел в ярость. Он выставил Кайдена из дома, а мне велел прекратить с ним всякие отношения. И сейчас, когда

связь действительно была разорвана, мы не пытались делать вид, будто в моей жизни не было мужчины из параллельного мира, беспорядочных скольжений или семи седмиц помутнения рассудка после того, как границы захлопнулись. Мы просто жили дальше как умели, а время сглаживало острые углы и стирало неловкости. Хотя, подозреваю, будущая маменька до сих пор не знала и десятой доли того, что происходило в нашем доме прошлой осенью.

– А ты? – тихо спросил папа.

– Что я?

– Ты осуждаешь, так ведь? Анна старалась тебя не дергать с подготовкой к свадьбе, и у тебя могло сложиться впечатление, что она...

– Не считаешь, что странно спрашивать мнение дочери за час до венчального ритуала? – с иронией перебила я. – Анна кажется хорошей женщиной. И собачка у нее забавная. Полина тоже ничего.

– Я надеялся, что вы подружитесь.

– С Полиной, собачкой или обеими? – уточнила я, и когда папа не понял шутки, то закатила глаза: – Мы делаем отчаянные попытки, но у нас немножко разные цели. Не знаю про собачку, но Полина мечтает выйти замуж за королевского артефактора и купить туфли от Колина, а я – наконец получить диплом.

– Кто такой Колин?

– Понятия не имею, но почему-то он исключительно ва-

жен для удачного замужества.

– Для удачного замужества нужны какие-то правильные туфли? – не понял папа.

– Ты тоже не видишь взаимосвязи?

Мы встретились глазами, и на некоторое время в кабинете повисло острое, пронзительное молчание.

– Думаешь, что сможешь ужиться с Анной?

– Сам знаешь, я не планирую оставаться в столице, – пожала я плечами.

Полуложь прозвучала, и наступила глубокая тишина. Было слышно, как по холлу, стуча каблуками, ходила Матильда.

Отец, может быть, производил впечатление рассеянного профессора, погруженного в ученые изыскания, но на самом деле в проницательности ему было не отказать. Думаю, он давно догадался о причине, почему я не перевелась в престижную Королевскую академию, отклонила абсолютно все, даже самые выгодные, предложения по службе и сейчас бралась только за бесплатные заказы ее высочества, которые просто не имела права игнорировать. Папа знал, что я планировала побег, но мы всей семьей единодушно делали вид, будто мне до дрожи в коленях хотелось получить красный диплом Кромвельского университета.

– Экипажи уже у крыльца! – позвала из холла Матильда. – Дмитрий, ты должен ехать за невестой!

– Мне пора, – вздохнул папа.

– Мы тоже сейчас поедem в храм. Анна хотела, чтобы ей

под ноги бросали розовые лепестки. Надо раздать гостям корзинки. Не считаешь розовые лепестки перебором?

– Просто попытайся быть снисходительнее.

– Ты же знаешь мой характер. Сейчас я проявляю чудеса очарования!

Папа поцеловал меня в лоб, потом крепко обнял. Вдруг над ухом раздалось подозрительное шмыганье. Вот уж не ожидала от сухого, как столетняя баранка, отца сентиментальности!

– Ты же не собираешься заплакать? – уточнила я. – Потому что я не представляю, как успокаивать плачущего отца. У меня наверху есть нюхательные соли. Не знаю, отбивают ли они желание порыдать в жилетку дочери, но желание их нюхать точно отбивают.

– Ты знаешь, что всегда несешь вздор, когда нервничаешь? – отстранился отец с улыбкой. И все-таки его глаза покраснели от мелодраматических слез.

Когда мы вышли в холл, тетка была как на иголках.

– Мне надо забрать из комнаты клатч, – объявила я, поднимаясь по лестнице.

– Поскорее, – сварливо подогнала меня Матильда, почему-то считавшая, что мы всенепременно опоздаем на церемонию, а взбешенный отец вычеркнет из семейной книги меня и впишет Полину. – И возьми перчатки!

Вернувшись в спальню, я сгребла с кровати перчатки, подхватила с туалетного столика клатч с нюхательными солями

и прочими мелочами, чтобы при случае откачивать впечатлительных дам, но вдруг краем глаза заметила, что от «Сердца Абриса» исходило свечение. Символы пульсировали, то загораясь ярким светом, то затухая. Стрелки вертелись в одном направлении. Взяла артефакт в руки, поднесла к глазам, чтобы лучше рассмотреть, какой из знаков не пробудился. Металлический корпус был теплым.

Неожиданно руны вспыхнули, выплеснув мне в лицо яркий свет.

– Проклятие!

Перед глазами поплыли радужные круги. Проморгавшись, я посмотрела в зеркало – не размазалась ли от выступивших слез тушь – и оцепенела. За моей спиной отражалась вовсе не детская с розовыми стенами, а сумрачная чужая спальня с огромной, аккуратно заправленной постелью и натертым паркетным полом.

– Светлые духи! Валерия, куда ты провалилась?! – закричала снизу Матильда и закашлялась. – Кеб ждет!

Я заставила себя повернуться. Как в страшном мучительном сне, приобретшая неожиданную глубину комната была разделена на две части невидимой линией. С моей стороны жаркое теветское солнце рисовало на полу мозаичную тень, а на другой половине – в окно хлестал дождь.

Вдруг в Абрисе отворилась дверь. Появился высокий статный мужчина в черном. При виде Кайдена у меня споткнулось сердце. Он быстро вошел, стянул через голову свитер,

швырнул его на кровать... и увидел меня, замершую на светлой половине мира.

Наши глаза встретились.

Кайден выглядел привлекательнее, чем мне помнилось. Выше ростом, шире в плечах. Волосы были подстрижены короче, а в нижней губе снова появилось тонкое серебряное колечко. Грудь внезапно наполнили смешанные чувства. Они теснились, давили на замирающее сердце, не давали дышать. Наверное, стоило закричать, но я лишилась дара речи.

Мужчина начал приближаться к границе. Медленно, не разрывая зрительного контакта. Каждое движение было пронизано хищной грацией. Он остановился, опустил взгляд. Не сразу я догадалась, что именно Кайден разглядывал. Шрамы на руках снова светились, будто продетая под кожу тонкая алая нить, а в кулаке поблескивал пробужденный артефакт.

Он протянул руку, чтобы дотронуться до невидимой стены. От прикосновения по воздуху, как по водной глади, разлетелись затухающие круги, а фигура мужчины подернулась рябью. Вокруг его руки за клубился черный дым, и появился знакомый меч с длинным клинком и рукоятью, обмотанной кожаными полосками.

Я забыла, как дышать. Все происходило как в злосчастном сне. И будь я проклята, если не понимала, что он вел себя как незнакомец!

Кайден двигался молниеносно. Заметить, как он отошел и размахнулся, было нереально. Вдруг мелькнул клинок, и

на прозрачной преграде возник ровный огненный шрам. От неожиданности я отпрянула, налетела спиной на туалетный столик. На пол посыпались флаконы с притирками. Артефакт выскользнул из рук. От удара о паркет часовые стрелки выпали, а руны потухли. Абрис исчез вместе с пугающим незнакомцем, только-только попытавшимся разбить границу между мирами.

– Валерия! Быстрее же! – снова возопила Матильда. Судя по всему, от нетерпения она поднялась по лестнице и кричала уже со второго этажа.

– Уже иду! – прикрикнула я, прижимая руку к бухающему в груди сердцу. Три раза глубоко вздохнула, пытаюсь успокоиться.

Я собиралась выяснить, что произошло с Кайденом и почему он меня не узнал, но сначала нужно было женить отца или хотя бы не опоздать на венчальный обряд.

– Валерия! – взвизгнула тетка.

– Да не уедет кеб без нас! Мы ему уже заплатили! – подняв рассыпавшиеся части артефакта, огрызнулась я в ответ. «Сердце» было уничтожено. Страшно представить, сколько времени понадобится на его восстановление.

Ссыпав все части в сумочку, я открыла дверь в коридор, сделала шаг... и оказалась в крошечной темноте. От неожиданности пошатнулась и, стараясь удержать равновесие, расставила руки. Ощутить пространство было невозможно, я словно парила в пустоте. В голову даже пришла идиотская

мысль, что в подвале дома, как предсказывала Матильда, действительно что-то взорвалось и меня экспрессом перебросило на золотое облако. Теория не отвечала только на вопрос: отчего в обители светлых духов царила непроницаемая темнота?

Острая, внезапная догадка заставила кровь леденеть в жилах.

Я быстро раскрыла ладонь. Во мгле вспыхнул розоватый огонек размером чуть больше семечка подсолнуха. Крошечная искра горела так ярко, что полностью осветила комнату, большую застеленную кровать, плотные непроницаемые портьеры на окнах, книги с выдавленными на корешках абрисскими символами. Спальню Кайдена я узнала с первого взгляда.

Сжав кулак, потушила искру. Не дожидаясь, когда глаза заново привыкнут к темноте, двинула в ту сторону, где, по ощущениям, было зашторенное окно. Нашупав край портьеры, резко дернула. Спальня находилась на одном из верхних этажей. Было видно ночное небо и гонимые ветром сизые облака. Окрестности утопали во мраке – не разберешь, но разглядеть крепостную стену, озаренную огнями, труда не составило.

– Проклятие... – только и смогла прошептать я, догадываясь, что очутилась в замке.

Обычно скольжение в Абрис сопровождалось уймой неприятных ощущений, да и длительность путешествия ни-

когда не удавалось предсказать. И если сезоны в Тевете несколько отставали, то время в мирах совпадало вплоть до секунды. Судя по тому, что из моей жизни выпало не меньше половины суток, меня утянуло очень-очень далеко от столицы Тевета. Более того, я даже не заметила перемещения!

Похоже, мне все-таки удалось создать идеальные магические ворота. Правда, сейчас что-то было совсем нерадостно, а скорее страшно.

От звука раскрываемой двери я выронила на каменный подоконник клатч и резко оглянулась. В дверном проеме сплелись в страстных объятиях две фигуры. Со вкусом целуясь, пара ввалилась в комнату. Кажется, я перестала дышать. Ведь ни в одном страшном сне мне не могло привидеться, что я увижу Кайдена с другой женщиной. Но это был он, а в его объятиях – любовница.

Отличный день, Валерия! Исключительно удачный!

Ощувив чужое присутствие, Кай вскинулся и недобро уставился в мою сторону. Настырная девица, решившая, будто напряжение любовника – это только часть игры, с низким смешком попыталась расстегнуть ему штаны. Он отвел жадные женские руки и, не сводя с меня пристального взгляда, приказал:

– Иди.

Сбитая с толку, девица обернулась. Непривычный теплый свет, льющийся из коридора, озарял ее лицо. Незнакомка до смешного была похожа на меня.

– Какого черта? – возмутилась она, когда заметила, что вокруг руки паладина клубится черный дым, а из него вылетается меч.

И правда...

В голове стало пусто и звонко. Чувств тоже не осталось. Их заменил животный ужас. Я сотни раз погибала в кошмарных снах, но ни секунды не сомневалась, что в реальной жизни Кайден никогда, ни при каких обстоятельствах не причинит мне вреда. Скорее покончит с собой. Только это было в другой жизни, в которой застряла я, потому что он на меня напал под визг любовницы.

Паладин двигался с недоступной для обычного мага стремительностью. Раз – и вынырнул из пустоты. Парализованная страхом, я тарасилась на Кая, как кролик на удава, и тряслась. Он схватился за лиф платья, резко дернул. Тонкая ткань треснула, и пространство заполнилось звонкой дробью отскочивших на пол стеклянных кристаллов.

– Кто ты такая? – процедил он мне в лицо. От него пахло виски.

– Кто я?

Руна «знание», нанесенная на ладонь погибшим паладином Йеном Гленном, позволяла мне понимать и свободно разговаривать на абрисском языке.

– Двумикая... – едва слышно прошелестел Кайден.

Он толкнул меня. Я должна была налететь на стекло, но вдруг оказалась в огромном холодном зале, озаренном лишь

светом уличных фонарей. Тело по инерции завалилось назад. От болезненного удара спиной о каменный пол мне стало нечем дышать, но падение меня спасло. Над макушкой промелькнул меч, и в воздухе закружилась отсеченная прядь волос.

Светло-русый локон порхал очень медленно, словно воздух загустел. Каждый удар сердца звучал протяжнее, как будто время останавливалось. Я не верила, что сон, терзавший меня долгие ночи, все-таки стал явью. Острие фамильяра утыкалось в бешено пульсирующую жилку на шее. Дышать было нечем.

– Ты пожалеешь... – прошептала я.

– Вряд ли.

Он ударил недрогнувшей рукой.

– Кайдэн, нет!

Я вцепилась голыми руками в меч, от страха не почувствовав боли. Наточенная кромка вгрызлась в ладонь, острие оцарапало шею. На клинке вспыхнули хищные алые руны, засветились знаки у меня на руках. На платье стекала кровь. И наконец пришла боль, отрезвляющая, почти невыносимая, но разжать пальцы было страшно.

– Не надо... – прошептала я, словно обращаясь к мечу. – Пожалуйста, не надо.

Не знаю, что заставило его пощадить меня. Уж точно не попытка перехватить клинок. Возможно, имя, выкрикнутое без особой надежды. Но меч взорвался черным дымом и ис-

чез. Кровь хлынула на нелепое платье, столь же нелепо за-
дравшееся до колен. Меня трясло. Глубокие порезы свети-
лись – дар пытался залечить раны, нанесенные магическим
оружием. В голове, точно издеваясь, крутились позабытые,
но вдруг воскресшие слова, сказанные в прошлой жизни, ко-
гда Кайден меня любил:

– У тебя такие маленькие руки, Лера. Такие тонкие
пальцы.

– Руки как руки. Пальцы как пальцы.

– Но они умеют создавать удивительную магию...

Он присел рядом:

– Почему я должен пощадить мага, наплевавшего на зако-
ны природы? Назови хотя бы одну причину, двулика.

Во рту пересохло. Было ясно, что любое неосторожное
слово могло закончиться для нас обоих трагедией.

– Рой... – прошептала я, понимая, что использую един-
ственную возможность сохранить жизнь. У Кайдена изогну-
лись брови. Последовала долгая пауза. Он взял меня за под-
бородок и внимательно посмотрел в лицо.

– Откуда ты знаешь знахаря?

– Твоего лучшего друга? – с нажимом переспросила я. –
Он и мой друг тоже.

– Врешь.

Я покачала головой:

– Просто переместимся к нему.

Кайден отпустил мой подбородок, задумался, что-то просчитывая в уме:

– Я отведу тебя к знахарю потому, что мне любопытно, как ты станешь выкручиваться дальше. Попытаешься убежать, и я тебя убью. Понимаешь?

– Да.

– Хорошо. Считай это предупреждением.

Оттого, что он сыпал угрозами тем же мягким голосом с хрипотцой, каким признавался мне в любви, к горлу подступил горький комок.

Кайден выпрямился:

– Вставай.

Хотела бы я подняться гордо, без помощи, но высокие каблуки не позволяли грациозно встать на ноги, а раненые руки так болели, что было глупо мечтать о том, чтобы справиться с обувной застежкой.

– Помоги мне... – едва слышно выдохнула я.

– Что? – Кайден сделал вид, будто не расслышал.

– Помоги встать.

Одним рывком он поднял меня на ноги. Потеряв равновесие, я завалилась на него, пятная одежду кровью. Уперлась лбом в грудь. Самое ужасное, монстр имел тот же знакомый мускусный аромат, что и мужчина, из-за которого я перевернула два мира.

– Проклятие! – отпрянула от него, как от чумного.

Очевидно, что он только по инерции схватил меня за локоть и не дал снова свалиться.

– Девочка, ты же знаешь, что Рой ненавидит Тевет? – вдруг произнес Кайдэн.

– Я – исключение, – хрипловато отозвалась я, чувствуя, что от боли начинает тускнеть сознание.

– Он не делает исключений.

– Похоже, ты кое-чего не знаешь о своем друге.

Наследник темного клана скользил в пространстве с легкостью и точностью, отточенными годами. В пределах Абриса ему не требовались ни метки, ни маячки. Мы сделали всего один шаг – и вдруг оказались в пахнущей сушеными травами кухне знахаря, заточенного в старом доме в горах.

Перемещение возмутило поток воздуха. Свечи, накрытые стеклянными колпаками, не потухли, но бумаги, вероятно, лежавшие на кухонном столе, разметало по скрипучему дощатому полу. И знахарь их собирал. За последние месяцы он сильно похудел. Буйные кудри, забранные под ободок, заметно отросли.

– Старик, какого чер... – подняв голову, Рой проглотил окончание фразы.

Воцарилась глубокая тишина. Не сводя с меня потрясенного взгляда, приятель медленно поднялся. Записи выпали из рук.

– Почему ты опять в крови? – вымолвил он севшим голосом и вдруг рявкнул: – Почему, черт тебя дерь, каждый раз

ты появляешься пораненной?!

Надо отдать должное Кайдену, несмотря на редкий сволочизм, удерживать меня он не стал. Позволил броситься в объятия лучшего друга.

– Несколько дней назад вдруг пробудились твои бабочки, – прошептал Рой. – Так и знал, что ты скоро появишься.

Смутно вспомнились бабочки, которые я мастерила, чтобы успокоить нервы, когда осенью Кайден никак не приходил в сознание после тяжелого ранения. Видимо, после Расхождения летуны превратились в бесполезные куски перевязочной ткани.

Знахарь отодвинулся и силой заставил меня разжать кулаки. Боль была дьявольской. Прикусила губу, чтобы не застонать.

– Ты схватилась за клинок фамильяра? – немедленно определил он, и я кивнула. – Тебя ранил Кайден?

– Прости, что втянула тебя. Я была вынуждена назвать твое имя.

Рой бросил хмурый взгляд на друга, хранившего молчание:

– Ты все верно сделала, Голубая кровь. Надо заговорить порезы, пока ты не вырубилась от потери крови.

– Обычно Истинный свет справляется быстрее, но тут даже кровотечение не останавливается. И болит очень сильно, – пожаловалась я, позволяя усадить себя на стул.

– В следующий раз хорошенько подумаешь, прежде чем

схватиться за магический меч.

– Кайден пытался меня убить, – сама не поверила, как спокойно произнесла совершенно абсурдную вещь.

– Убить? – переспросил Рой, почему-то обращаясь к другу. Мол, ты в своем уме, приятель?

Говорят, что люди проходят пять стадий принятия неизбежного: отрицание, гнев, торг, хандра и только после этого наступает принятие. Я застряла на первой. Казалось, все, что сегодня случилось, – случилось вовсе не со мной. Абсурдная мысль, что Кайден просто-напросто меня забыл, не помещалась в голове. Вот он – протяни руки и дотронься, но нас по-прежнему разделяла невидимая стена.

– Я слежу за вашим воркованием, и меня гложет любопытство. – Вудс говорил с насмешкой. – Вы спали до раскола?

– На твоём месте я бы сейчас заткнулся и убрался из моего дома! – Рой с такой яростью шарахнул знакомым ящичком с лекарскими инструментами о крышку стола, что у меня зазвенело в ушах. – Потому что, клянусь, я близок к тому, чтобы разбить тебе физиономию!

– Старик, похоже, у тебя большие неприятности, – усмехнулся Вудс. – Тебя не смущает, что она выродок?

– Выродок?! – охнула я от возмущения. – Ты назвал меня выродком?!

– Кай, бога ради, просто выметайся! – рывкнул знахарь, указав пальцем на дверь. Его глаза полыхнули красным светом, а черты лица заострились. Светлые духи! В гневе он

действительно был страшен.

— Ты понимаешь, что если о ней узнают, то тебе не видать помилования? — разозлился в ответ Кайден. — Двудикая?! Да тебя запрут в этом проклятом доме еще лет на двадцать пять!

— Я знаю. — Холодное спокойствие вновь вернулось к Рою, и он кивнул в мою сторону: — Теперь она тоже знает. А тебе лучше уйти из моего дома по-хорошему.

— Ладно, — неожиданно сдался Кайден, но, прежде чем исчезнуть, бросил: — Надеюсь, Голубая кровь, ты того стоишь.

— Валерия! — выпалила я дрожащим от ярости голосом.

— Что? — Он вдруг поменялся в лице.

— У двудиких выроdkов тоже есть имена! Может, и не такие длинные, как твое, Кайден Николас Вудс. Так вот, меня зовут Валерия!

На несколько долгих секунд мы скрестили взгляды. Сердце бухало о ребра. На лице Кайдена ходили желваки. Наконец он разорвал зрительный контакт, перешагнул через порог и растворился в чернильной темноте. От яростного потока воздуха дверь раскрылась так широко, что ударилась ручкой о стену. Рой затворил ее, задвинул засов и тяжело вздохнул, уперев руки в бока.

— Какой абсурд, — пробормотала я, едва шевеля языком. — Он меня совершенно не помнит!

— Давай начнем с того, что избавим тебя от ран, — невпопад вымолвил знахарь.

На полу тянулась дорожка мелких клякс, а я сама была пе-

репачкана кровью; платье оставалось только выбросить. Да и ладони болели так, что хотелось завывать в голос. Не о такой встрече в Абрисе я грезила, когда долгими ночами пыталась пробудить артефакт.

Знахарское стило было длинным и острым, как иголка. Каждый раз, когда Рой дотрагивался до ладони, казалось, будто кожу протыкали. Сверкала вспышка, тянулся красноватый лучик, похожий на блестящую нить, и новый стежок стягивал края раны. Перед врачеванием приятель предложил сделать пару глотков виски, но я не переносила его. Вырубилась бы в два счета и не задала связного вопроса, а их накопилось немало.

– Это произошло во время взрыва? – тихо спросила я. Острые стило замерло над ладонью, потом последовал новый болезненный укол. – Рой, не молчи! Во время взрыва?

Но знахарь крепко сжал губы, словно давая понять, что вопрос уже содержит ответ.

– Как много он забыл?

– Сначала он забыл последние полгода, но через пару седмиц большая часть воспоминаний вернулась, – скупно объяснил Рой.

– Тогда что происходит? – Я ничего не понимала.

– Воспоминания о событиях вернулись, не все, конечно... Однако в тех, что восстановились, тебя не было. Ты как будто вырвана из его памяти. Незнакомка. Считай, что сегодня он увидел тебя впервые.

Жестокая правда заставляла цепенеть. Казалось, тронь меня – и рассыплюсь на куски.

– В его воспоминаниях нет только меня? Вместо меня одни дыры?

Рой с сожалением вздохнул:

– Человеческое сознание – странное, оно легко заполняет просветы. У него в голове не воспоминания, а сплошная каша.

– И ты не говорил обо мне? Не пытался прояснить?

– Прости, Валерия. Твои бабочки перестали летать и...

– Ты решил, что я погибла?

– Да.

Он прятал глаза. В Абрисе никто не знал о романе наследника Вудсов с теветской девушкой, только Рой. Он мог бы что-то исправить, но не стал. Почему? Ответ был очевиден.

– Я подумал, может, к лучшему, что он все забыл? Сомневаюсь, что Кайдэн пережил бы твою смерть, – подтвердил знахарь догадку.

– Верно, – с горечью прошептала я, удивляясь, как после шокирующих открытий остаюсь в сознании. – Мне даже в голову не приходило, что из-за взрыва он мог потерять память. Проклятие, это... так бессмысленно! Он должен меня вспомнить! Люди, теряющие память, когда-то ее восстанавливают. Так ведь?

У знахаря сделалось странное лицо.

– Я не знаю, Валерия. Прости.

Врачевание мы заканчивали в гробовом молчании, а когда Рой отложил стило, то на месте глубоких кровоточащих порезов на ладонях остались тонкие розоватые линии.

– Осторожнее, а то разойдутся, – заметил знахарь, когда я попыталась пошевелить пальцами. Раны исчезли, но боль осталась, пусть не столь резкая.

– Я бы умылась... – пробормотала я и оглядела платье с заскорузлыми бурыми пятнами. – А еще лучше – мыться.

– Спальня и банная в твоём распоряжении.

Не поднимаясь со стула, я расстегнула застёжки босоножек и встала горящими ступнями на прохладный пол. Одна золотистая туфелька неловко завалилась на бок, словно ощерившись высоким острым каблуком.

– Сегодня мой отец женился, а я даже в храме не появилась. Папа меня возненавидит!

– Как ты переместилась? – вдруг спросил Рой.

– Создала артефакт, ворота в Абрис, – у меня вырвался горький смешок. – Проклятие! Научный руководитель мною бы гордился. Жаль, рассказать никому нельзя.

– Ясно... Тебе надо выпить кофе.

– Не стоит, – сморщилась я от одного воспоминания о горьковатом вкусе напитка.

Кофе на время восстанавливал запас магического света, прогонял измождение и болезненную ломоту. Зато потом они наваливались в трехкратном размере. Мне и прежде не требовалось много времени на восстановление, а теперь я

практически не испытывала магического голодания, только обычную физическую усталость.

Придерживая подол платья, я взяла подсвечник и, озаряя путь, в тишине поднялась на второй этаж. За зиму полы в доме знахаря стали скрипеть сильнее. В спальне, где я обычно останавливалась, было открыто окно – хозяин дома действительно будто ожидал моего появления. Сквозняк потушил огонек, рванул занавеску, и в холодный, пахнувший дождливой свежестью воздух взметнулись белые бабочки. В темноте на трепыхавшихся матерчатых крыльях светилась сложная руническая вязь.

Подсвечник выпал из рук, глухо стукнулся о доски, выбив оплавленный огарок. Привалившись спиной к закрытой двери, я без сил съехала на пол. Поджала колени к груди и спрятала лицо в ладонях. От рук пахло кровью.

Было глупо плакать. Исправить можно все, кроме смерти. Главное, что Кайден жив. Я помогу ему вспомнить о нас. По обрывкам, по клочкам, по осколкам, но мы соберем наше прошлое, чтобы счастливо жить в настоящем и мечтать о будущем...

Зажав рот, чтобы Рой не услышал истеричных всхлипов, я задохнулась от рыданий.

Мы вовсе не изменили миры, а возвели между ними неприступную стену. И заплатили за содеянное.

КАЙДЕН

Ночь после появления Валерии в Абрисе...

– Сколько тебе лет? – голос юной девушки, сидевшей напротив Кайдена в карете, был мягким и очень взрослым.

– Назови свое имя.

– Валерия Уварова...

Он резко открыл глаза. В окно Белого замка смотрело бледное рассветное утро. Выходило, что поспать удалось всего пару часов. Сев на кровати, он спустил босые ноги на ледяной пол. Сгорбился как старик. Надавил пальцами на веки, надеясь изгнать боль, но добился прямо противоположного эффекта. Мигрень взорвалась ослепительным фейерверком. Лучше бы сразу проглотил порошки.

Головные боли и странные сны появились в конце прошлой зимы после тяжелого ранения. С отрядом паладинов они вылавливали в Реликтовом лесу черного колдуна, и для Кайдена все закончилось скверно. Рой вытащил лучшего друга с того света, но началось форменное чистилище. Хоть вообще не засыпай. Видимо, прежде чем отдать душу демонам, колдун успел его проклясть.

Десятки раз во сне Кайден оказывался в той карете с юной девушкой из Тевета, но вплоть до сегодняшней ночи черты ее лица никак не удавалось рассмотреть. Погода стояла дурная, осенняя, а она была обута в летние сандалии. Забилась в

угол, как мышка, но смотрела ясными каре-зелеными глазами прямо. Взрослый голос, манера говорить, жесты, выбившиеся из небрежного пучка светло-русые волосы – абсолютно все в ней заставляло Кайдена цепенеть, как мальчишку.

И то, что случилось накануне, выводило его из себя! Мало того что загадочная незнакомка и двуликая носили одно имя – Валерия, они были и на одно лицо.

Глава 2

Ложь во спасение

Закончив короткую тренировку, разгоряченная, я упала спиной в траву. Сезоны в Тевете отставали от абрисских. Дома только-только начался сезон цветения жимолости, а в Абрисе приближался закат лета и в воздухе разливался горьковатый запах полыни. Небо, словно выжженное солнцем, утратило яркость, но казалось необъятным – дух захватывало. Хотелось протянуть руку и дотронуться до нежной пены облаков, рисовавших на желто-зеленых холмах неровные тени.

– Валерия! – разнесся по двору взволнованный голос Роя.

Заставив себя сесть, я поприветствовала обеспокоенного знахаря, стоявшего с кружкой в руках на ступеньках. Поднялась, отряхнула штаны, найденные в женских вещах, и направилась к дому.

– Не зря говорят, что теветцы умеют заваривать чай, – произнес он, подвигаясь в дверях. – Пахнет божественно. Что ты туда добавила?

– Лучше тебе не знать, – честно призналась я, вспоминая, какую дикую смесь трав засыпала в заварочный чайник.

– Мать моя, почему он такой горький? – пробурчал знахарь, испробовав «божественный напиток» на вкус. – Что ты

делала, едва продрав глаза?

– Тренировалась.

– Любишь попрыгать с утра? – Рой размял шею.

– Ненавижу прыгать в любое время суток, но приемы самозащиты приходится повторять, иначе тело забывает, а с утра, по крайней мере, бодрит. – Опровергая собственные слова, я широко зевнула.

– Да, вижу. Ты лужишься бодростью духа, – сыронизировал Рой, следуя за мной на кухню. Пока я наливала себе горького, но хорошо тонизирующего отвара, он устроился за столом и тут же взял в руки исписанный лист. Пробежался глазами по строчкам. Почерк у меня был отвратительный, а на абрисском я писала еще неряшливее, чем на теветском.

– Что это?

– Все эти вещи необходимы для создания ворот в Тевет.

– Ты решила вернуться?

– Нет. В смысле, пока нет... – Я вдруг растерялась, ведь за ночь не смогла решить, как поступить. – Но мне нужен план. Ты не сможешь меня прятать вечно.

– Валерия, мой дом – твой дом. Живи здесь столько, сколько хочешь, – без раздумий предложил Рой. – Поверь, никто не станет искать у меня двуликого мага. Ни для кого не секрет, что я никогда не отличался лояльностью к Тевету.

– Знаю, но у меня из головы не выходят слова Кайдена. Если из-за меня ты не получишь помилования...

– Кайденом отлично умеет искажать правду, – с досадой пе-

ребил Рой. – Если я не получу помилования, то, поверь, ты будешь ни при чем.

– Тогда... и мне неловко спросить...

– На артефакты нужны деньги? – уточнил он и отхлебнул горький напиток.

– В Абрисе есть монетный двор, где обменивают теветские золотые на абрисские серебры?

– Нет.

– Тогда долг ты точно обратно не получишь, – предупредила я. – Ты даже не сможешь получить лицензию на артефакт, потому что мне придется использовать и темные, и светлые руны.

– Не переживай, я потом все расходы стрясу с твоего парня, – пошутил Рой, и в кухне немедленно сгустилось напряжение.

– Моего парня? – усмехнулась я. – К сожалению, он забыл обо мне и вчера попытался убить. Все, что случилось, кажется злой шуткой, и только поэтому я не быюсь в истерике.

Врушка.

Возникла долгая пауза. Рой потер переносицу. Машинально хотел прихлебнуть горький отвар, но, видимо, вспомнил о мерзостном вкусе и оставил кружку.

– Проблема, Валерия, в том, что он стал прежним Кайде-ном Вудсом, – наконец высказался он. – Объективная реальность такова, что он хороший друг, преданный клану паладин и редкостная сволочь, когда дело касается женщин и те-

ветцев.

– А я вообще два в одном?

– Ты двулика.

– Прозвучало приговором, – сухо заметила я.

– Извини, не хотел обидеть, – сморщился приятель. – Валерия, как друг я обязан тебе посоветовать вернуться в Тевет. Попытаться наладить жизнь, найти нормального парня. Для вас с Кайденом, возможно, такой вариант расставания – самый простой. Но я слышал, как ты рыдала всю ночь, как будто кто-то умер, и понимаю, что дружеских советов ты слушать не намерена.

– Ты прав. Если Кайден захочет видеть меня рядом, так тому и быть. – Я помолчала. – Правда, вряд ли он появится.

– Появится, – не согласился знахарь, – даже не сомневаюсь. И быстрее, чем ты думаешь.

– Почему?

Хотя сказанное должно было вселять надежду, что-то в тоне знахаря заставляло нервничать.

– Мы же говорим о тебе. – Приятель пожал плечами. – Неважно, что помнит Кайден, а что забыл. Он тебя увидел и больше не отпустит. Некоторым суждено сходить с ума друг по другу.

– Дрожь пробирает от твоих слов, – пробормотала я.

Вместе со знахарем мы спустили с чердака пыльный сундук с женскими вещами. Перебрав ворох нарядов, мне удалось выбрать несколько платьев по размеру, отвратительно

облегающие штаны и приличный вязаный кардиган, только в одном месте слегка побитый молю. Не откладывая дело в долгий ящик, я переоделась в белый сарафан, натянула открытые босоножки и собралась в магическую лавку в соседней деревне. Рой, не споря, согласился меня сопровождать. Правда, он не предупредил, что топать нам предстояло почти две мили под горку.

Обычно Абрис встречал меня промозглым холодом с беспрерывным дождем или трескучими морозами и сугробами, словно с порога пытался вытолкать взашей. Но сегодня светило улыбочливое солнце, от запаха горных трав кружилась голова, а я впервые за долгое время позволила себе выйти из дома с открытыми руками, рассудив, что вряд ли оскорблю чувства приличных абрисцев темными рунами.

По дороге мы с Роем болтали обо всем и ни о чем, ловко избегая болезненных тем. Я давно заметила, что он вообще старался не лезть в душу и не задавать вопросов, неизбежно способных разбередить раны. Только один раз разговор принял опасный оборот, когда знахарь во время моего рассказа об артефактах для принцессы между делом поинтересовался:

– Почему ты создала ворота, которые открываются только в одну сторону?

– Вообще-то я не планировала так быстро возвращаться в Тевет. Думала, что у меня будет куча времени, чтобы спокойно переделать «Сердце Абриса». Магия очень сложная...

– Какое имя ты дала артефакту? – перебил Рой.

Мне вдруг стало неловко. «Сердцем Абриса» называли особенную темную руну, идеальное сочетание семи ключей, которые использовали в написании колдовских знаков. Считалось, что если она потухнет, то магия исчезнет. В то время, когда мы познакомились с Кайденом, «Сердце» его мира уже спало.

– Все равно магия должна как-то называться, чтобы начинаться владельцу, – буркнула я.

Между нами повисло молчание, но вдруг знахарь признался:

– Она зажглась.

– Руна? – оживилась я.

– Да, из-за Большого взрыва. Мы все чувствуем, как Абрис наполняется магией. Кажется, даже дышать сейчас легче. Все ожидают, что через пару-тройку поколений восстановится равновесие и в обычных семьях начнут появляться одаренные дети, как до *Схождения*.

– Ну хотя бы что-то мы сделали правильно, – вздохнула я, не испытывая ни капли радости. В голове крутилась досадная мысль, что лучше бы проклятая руна продолжала спать, а Кайден не потерял ни единого воспоминания. Эгоистично, но в хорошие люди я себя никогда не записывала.

Дорога раздваивалась: одним хвостом огибала скалистый выступ, другим – убегала к холмам. На развилке стоял указатель, и рядом с названием селения красным цветом пуль-

сировала незнакомая руна.

– Что за знак?

– Клановый символ. Эти земли принадлежат Вудсам, – пояснил Рой.

– И много земель? До самого горизонта? – съехидничала я и обвела рукой горную долину с бесконечными зелеными холмами, врезавшимися в горизонт.

– Дальше, – сухо вымолвил знахарь. Видимо, в Абрисе о колдовских семьях и их собственности шутить было не принято. – Много дальше.

Селение встречало путешественников надписью с символом Вудсов. Торговые лавки тянулись с двух сторон тракта, а каменные одноэтажные домики с остроконечными крышами, образуя ступени, взбирались на пологую гору.

– Мне надо к аптекарю, – кивнул Рой в сторону торговой лавки с рисунком змейки, нанесенным на витрине.

– А где магическая лавка?

– Дальше по дороге, но одна ты не пойдешь! – отрезал знахарь, но, когда я демонстративно закатила глаза, нехотя согласился: – Я буду через десять минут. Деньги возьми.

– Не переживай, приятель! За десять минут меня точно никто не украдет.

– Не заблудись! – Он отдал мне кожаный кошель с позвякивающими внутри серебрями.

– Могу, но негде, – в притворном сожалении развела я руками, намекая, что, несмотря на топографический крети-

низм, просто не в состоянии заплутать на прямой дороге.

Магическая лавка поприветствовала посетителей громким бряцаньем колокольчика, и я с трудом удержалась, чтобы не вжать голову в плечи. Потолок в торговом зале был гораздо выше, чем могло показаться снаружи, что невольно наводило на мысль о руне, расширявшей пространство.

– Госпожа чародейка! – охнул торговец и согнулся в низком поклоне. – Добро пожаловать!

– Здравствуйте, – опешила я, уже собираясь улизнуть на улицу, дожидаясь Роя и попытаться войти снова. Видимо, в мире, где колдовским талантом обладали только избранные, появление в магической лавке человека с даром было событием.

– Чем могу вам помочь? – выскочил торговец из-за прилавка. – У нас, как видите, торговля мелкая. Никаких особенных вещей не держим.

На мой взгляд, лавка была как лавка, чем-то похожая на те, что повсеместно стояли в Тевете. Ряды книг на полках, хозяйственные артефакты, грозди защитных амулетов, многочисленные притирки в темных флаконах.

– Мне нужны гримуары с рунами, – вымолвила я, чуть не поперхнувшись произнесенным словом «гримуар», хотя пыталась сказать на теветский манер «сборник». – С пояснениями.

– У нас только учебная литература, – извиняющимся тоном отозвался торговец. – Самые простые книги.

– Неважно.

Он принялся доставать с полок томики в плотных кожаных переплетах с заклепками и металлическими уголками.

– Домашние ритуалы? – бросил на меня торговец быстрым взглядом. Оторвавшись от разглядывания незнакомой руны, нанесенной на деревянный столб, я отрицательно покачала головой.

Торговец сложил на стол высокую стопку, указал мне на стул и позволил спокойно изучить книги. Как я и подозревала, даже простой учебник рун в Абрисе оказался богаче на магические знаки, чем все манускрипты, вместе взятые, из тех, что мне удалось нарыть в закрытом архиве Королевской библиотеки.

– Что изучаешь? – прозвучал знакомый голос над ухом.

Вздвогнув, я резко повернулась и в буквальном смысле оказалась нос к носу с Кайденом. Увлеченная изучением гримуаров, я не услышала ни звона колокольчика, ни шагов! Он специально склонился, чтобы наши лица были на одном уровне, а губы разделяли всего несколько дюймов. Некоторое время я таращилась на мужчину широко раскрытыми глазами, не веря, что он близко-близко, а мне даже коснуться его запрещено.

– Привет, – тихо промурлыкал Кай, приподняв уголок рта в незнакомой сексапильной усмешке. Интересно, снизойдет ли на него просветление, если по голове ему ударить увесистым гримуаром? Проверить оказалось кишка тонка.

Отвернувшись, я с чувством захлопнула фолиант и поднялась из-за стола. Нежданному гостю пришлось подвинуться.

– Ты на меня злишься? – спросил он.

– Нет.

Положила на прилавок выбранный томик. Со смесью благоговения и страха хозяин лавки тарасился на темного паладина. От нервов даже испарина выступила.

– Сколько? – спросила я, пытаюсь привлечь внимание.

– Примите в дар. – Торговец обращался к мужчине за моим плечом. – Наша лавка всегда открыта для ваших друзей, господин Вудс.

Светлые духи, у Кайдена на лбу написано, что он тот самый наследник клана? Или, может, по клановым землям специально распространяют семейные портреты Вудсов, чтобы подданные не путали принцев с дворняжками?

– Он мне не друг, поэтому возьмите деньги, – резковато произнесла я и расшнуровала кожаный кошель. Торговец сделал вид, будто оглох, и принялся споро заворачивать гримуар в плотную коричневую бумагу. Перевязал бечевкой. Спорить я не стала: книга была важнее гордости. С независимым видом подхватила сверток и, коротко попрощавшись, направилась к дверям.

– Все верно, ты имеешь право злиться, – произнес вслед Вудс мягким голосом с бархатными интонациями.

Я остолбенела, точно по телу от макушки до пяток про-

шел магический разряд. Было дико слышать от незнакомца с лицом Кайдена слова, произнесенные давным-давно, в ту ночь, когда меня утащили на вечеринку паладинов и нанесли темную руну.

– Не молчи, – в его тоне звучало раздражение.

– Думаешь, я буду выяснять отношения на людях? – сухо бросила я через плечо и толкнула дверь лавки. Снова над головой противно звякнул колокольчик. После полумрака торгового зала солнце на секунду ослепило. Кайден в два счета нагнал меня, сжал локоть и тихо произнес:

– Как скажешь, Голубая кровь.

В лицо ударил поток теплого воздуха, дыхание перехватило, а желудок неприятно устремился к горлу. Я опомниться не успела, как обнаружила, что мы стояли на накатанной дороге, разрезавшей реликтовый лес. Гладкие стволы вековых деревьев затягивал изумрудный мох, землю скрывали высокие папоротники. Солнце с трудом пробивалось сквозь сплетенные кроны.

– Здесь нет людей, – объявил маг, отходя на шаг.

– Вижу, – озираясь по сторонам и покрепче стискивая сверток, бесцветно отозвалась я.

Решительно развернулась и чуть не уткнулась носом в грудь Кайдена. Он не удержался от смешка. Сволочь!

– Хорошо, Кайден Николас Вудс, спрашивай! Раз ты похитил меня из-под носа своего лучшего друга, значит, что-то хотел спросить? Спрашивай.

– Ты забыла вещи в моей комнате.

– Я выронила сумку, когда ты напал на меня, – холодно поправила я. – Где она?

– В доме у знахаря.

Он явно забавлялся, заставляя меня злиться.

– В таком случае тебе стоит вернуть меня обратно! – фыркнула я.

Неожиданно его улыбка растаяла, а в глазах блеснул лед.

– Как вы познакомились с Роем?

– Меня утащили на вечеринку паладинов и нанесли руку. – Я вытянула руку и раскрыла ладонь, демонстрируя грубый шрам. – Рой помог мне пережить, пожалуй, одну из худших ночей в жизни. Так мы познакомились.

– И почему он бросился спасти Голубую кровь?

– Он не бросался, ему выбора не оставили. Меня привезли в дом Роя без сознания.

– Кто?

– Ты.

На лице Кайдена не дрогнул ни единый мускул. Он всегда отлично умел прятать эмоции. Мы точно играли в детские гляделки, кто кого пересмотрит и сдастся. Выдержать ледяной взгляд было непросто. Я вцепилась в книгу, точно в спасательный круг.

– Этого не было, – разрывая зрительный контакт, после долгого молчания спокойно опроверг он.

– Если ты чего-то не помнишь, то не значит, что этого ни-

когда не было, — дернула я плечом. — Ты просто не помнишь.

— Я никогда не страдал потерей памяти.

— Так ли? — усмехнулась я. — В таком случае позволь и тебе задать один вопрос. Как случился Большой взрыв? Почему рассыпался дом Исаи Гленна?

— А ты многое знаешь.

— Просто ответь.

— Двудукий пытался разрушить границы, чтобы избежать смерти, но случился взрыв. Он все равно погиб, а миры разошлись.

— Как звали того двудукогого? Валентин Озеров?

На мгновение на лице Кая мелькнуло удивление, но он снова справился с эмоциями. Проклятие, Рой был прав, воспоминания Кайдена находились в хаосе. Похоже, он полагал, будто ловил двудукогого мага, чтобы провести ритуал для пробуждения «Сердца Абриса», а Валентин убегал и защищался.

— Ты помнишь неверно, — покачала я головой.

— Как можно помнить неверно?

— Начнем с того, что был не двудукий, а двудукая. Девушка. Она вовсе не хотела разрушать границы, наоборот, пыталась не допустить, чтобы миры разошлись. И еще кое-что... Она не погибла при взрыве.

— Чушь.

— Нет.

— В таком случае покажи мне ее! Где она?

– Перед тобой.

Казалось бы, в лесу просто не может быть гробовой тишины, но именно она наступила после моего короткого признания. Природа будто замолчала вместе с нами – ни дуновения ветра, ни шелеста листьев.

– Если я ответила на все твои вопросы, то можем мы вернуться? Рой наверняка волнуется.

– Расскажи о том дне в доме Исаи Гленна! – даже не потребовал, а приказал Кайден.

– Нет, – отказалась я. – Как вспомнишь сам, приходи. Сравним воспоминания.

В лицо мне ударил злой сквозняк, мужчина будто мигнул – и оказался рядом. Носы наших ботинок соприкасались. Кайден грозно навис надо мной, и продолжать разговор мигом расхотелось.

– Я могу заставить, – тихо вымолвил он.

Стараясь сохранять хотя бы внешнее спокойствие, я вздернула подбородок.

– Ты можешь мне грозить, Кайден Николас Вудс, но на самом деле больше не посмеешь ко мне даже пальцем прикоснуться.

– С чего ты так решила, Валерия?

– Побоишься.

– Да неужели?

– Рой – твой единственный настоящий друг. Ведь с наследниками кланов не дружат, ими просто пользуются. Так?

Пауза была бесконечной.

– Маленькая дерзкая дурочка, – усмехнулся он, поднял руку и легонько ткнул мне пальцем в центр лба, заставив удивленно моргнуть. – Я прикоснулся к тебе.

Сделав медленный шаг назад, он растворился в пространстве. Меня окатило волной возмущенного воздуха, поднявшего с земли мелкие веточки, камушки и пыль. Прикрылась, чтобы соринки не попали в глаза. Когда пространство успокоилось, я крунулась на месте и позвала:

– Кайден?

Лес молчал. Темный паладин словно надо мной издевался.

– Кайден Вудс, что за глупые прятки? Куда ты делся?!

Эхо вернуло мне истеричный вопль. Он действительно бросил меня одну посреди леса!

– Проклятие! Скотина! – процедила я, искренне сожалея, что не сделала на знахарском доме метку, подобную той, что оставляли темные паладины в Тевете.

У меня было мало опыта в перемещениях, и без меток я часто ошибалась с местом назначения. Страшно вспомнить, в какие глупые ситуации я попадала. Однажды возникнув в гостиной соседского особняка, вообще оставила попытки изображать из себя лихого наездника, ловко седлавшего пространство.

Рисовать руны на теле, да еще без стило, было последним делом, но именно пальцем посреди ладони, едва-едва зала-

танной Роем, я начертала кривую спираль «перемещение». Ненавижу темные руны! В отличие от светлых, не приносящих боли, абрисские знаки жглись как проклятые. «Перемещение» и вовсе одна из самых болезненных.

Морщась от боли, я заставила магию пробудиться и про-
бормотала:

– Только не в колодец.

Перед мысленным взором появился знахарский домик в горах, темные стены, знакомые ступеньки и кухонные окна. Секундой позже меня точно дернули за веревку, привязанную к шее. В расколотое пространство я нырнула головой и вылетела как пробка из бутылки. С грацией коровы растянулась на траве, прилично расцарапав коленки.

Конечно же, я промахнулась! Оказалась под указателем на деревню, на полпути от уединенной обители. Идти предстояло в гору, но перемещаться еще раз просто не решилась. Хорошо, что не попала в колодец, точно бы шею свернула или захлебнулась.

Через полчаса прогулки под палящим солнцем дико захотелось пить, ремешки сандалий до крови натерли ноги. После перемещения захотелось есть. Растрата магии всегда вызвала приступы голода, а голод – нелогичную ярость. Попадись мне Кайдэн, свернула бы шею голыми руками или надавала по голове тяжелой книгой!

Не стесняясь в выражениях, я поносила Вудса всеми известными ругательствами на обоих языках, а когда вообра-

жение и словарный запас иссякли, повторила. Может, и по третьему кругу проехала бы, но впереди замаячил знахарский двор с потемневшими от времени и дождей хозяйственными постройками.

В ожидании меня Рой мерил шагами клочок земли перед воротами, а когда заметил, то рванул навстречу:

– Какого черта ты исчезла?!

– Приятеля своего спроси, – зло выпалила я. – Он бросил меня посреди леса! Скот! Ненавижу!

Но знахарь вдруг успокоился и заметил:

– А вчера ты утверждала, что до смерти его любишь.

– Люблю, но прямо сейчас ненавижу!

* * *

В течение трех лет родительский дом являлся для Роя темницей. Талантливый знахарь-отшельник не мог уходить дальше деревни под горой. В заброшенное святилище с магическими воротами, сгоревшими после Большого взрыва, поводов не дотягивался – пришлось ехать одной.

На рассвете Рой проводил меня до селения. Аптекарь собрался в город и согласился подбросить меня до соседней долины, откуда было рукой подать до святилища. Погода, как назло, испортилась. Чистое высокое небо затянуло туманной дымкой, а горные пики окутали плотные облака.

– Как закончу в храме, сразу вернусь, – увещевала бес-

покоенного, а потому хмурого приятеля. — Я поставила метку на доме, поэтому точно не промахнусь.

Сама-то я считала, что любой встречный легко распознает во мне теветку, но без рунической вязи, нанесенной на стены храма, не понимала, как создать ключ от дверей домой.

— Хорошо. Счастливой дороги. — Было заметно, что Рой отпускал меня скрепя сердце.

Аптекарь ехал на облучке с возницей, мне досталось место в повозке. Понукнули стригущую ушами лошадку, тронулись. Заскрипели деревянные колеса. Рой шел рядом, держась за бортик. На его шее проявлялась заметная алая полоса, словно стягивался невидимый ошейник. Сам того не замечая, знахарь потерял место, где выделялся кадык.

— Рой, тебя сейчас удушит, поэтому остановись, — попросила я и еще раз продемонстрировала ладонь с кривой руной «перемещение», на одно короткое скольжение магии, заключенной в ней, вполне хватало. — Клянусь, со мной все будет хорошо.

— Ладно, — сдался он.

Повозка отъезжала, а Рой по-прежнему стоял на дороге, широко расставив ноги, и провожал нас хмурым взглядом. Теперь казалось нереальным, что в первую встречу около года назад знахарь отказывался называть меня по имени. Прощаясь, он поднял руку.

К тому времени как мы добрались до соседней долины, сверху закапало. Пришлось надеть дождевик и накинуть ка-

плюшон. Возница остановился возле указателя со светящимся гербовым знаком Вудсов. Когда я спрыгнула на дорогу, то мне подсказали направление. Уверив, что если вдруг заблужусь, то сразу же вернусь в знахарский дом, я попрощалась с попутчиками и ступила на давно нехоженую, почти заросшую дорогу к храму на холме.

Абрисское святилище представляло собой башню с окнами под самой крышей. С одной стороны стену скрывало темно-изумрудное покрывало плюща. Земля перед входом была вытоптана, не росло ни единой травинки. Дверь, как Рой и пообещал, к моему приезду отперли. Колдунам в Абрисе отказывать не принято, и в письме к смотрителю храма он нарочно уточнил, что открыть святилище нужно для чародейки.

Внутри царил холод, тусклый свет пробивался через узкие окна, больше походившие на бойницы. На полу темнел круг, от которого во все стороны разлетались выжженные лучи, словно каменный жертвенник являлся эпицентром взрыва. Стены покрывали выжженные черные руны. Раньше это место было наполнено древней темной магией, но теперь ничего не осталось, ни единой искорки – все выжег Большой взрыв.

Вытащив из заплечной сумки блокнот, я стала перерисовывать рунические письма. На стенах была настоящая каша, приходилось разбираться в плетениях, имевших хоть какое-то отношение к перемещениям. Увлечшись, я совершен-

но забыла о времени и очнулась, только когда осознала, что внутри святилища сгустились сумерки, а на улице шумел дождь.

Размяла затекшую шею, развернулась к жертвеннику, на котором оставила сумку, и остоленела. Прислонившись к высокому камню и скрестив руки на груди, за мной следил Кайден. Закатанные рукава летнего узкого плаща открывали фамильяры – магические рисунки, похожие на татуировки. Левое предплечье обвивали змеиные кольца, морда зверя утыкалась в локтевой сгиб. На правом – теснились «перемещение» и пятиконечные звезды. Скорее всего они тоже являлись магическим арсеналом и по желанию паладина превращались в реальное оружие.

Стараясь сохранять самообладание, твердыми шагами подошла к алтарю, засунула блокнот в сумку и затянула шнурок. Кайден не сводил с меня пристального взгляда.

– Поешь со мной, Валерия.

Мы оба понимали, что он предлагал перемирие.

– Нет.

– Это была не просьба.

– Я догадалась.

Перекинув торбу через плечо, я раскрыла ладонь и заставила руну «перемещение» вспыхнуть розоватым светом. По воздуху разбежались круги, перед взором появилась смазанная метка, оставленная под знахарским крыльцом, но сделать шаг в сторону дома Кайден мне не дал. Сжал запястье,

и руна моментально погасла. На ладони даже следа не осталось.

– Проклятье! Ты можешь меня не хватать? – возмутилась я, начиная злиться.

– Тебе лучше сейчас не возвращаться.

– У Роя гости? – удивилась я, а когда Кай кивнул, то огрызнулась: – Не мог сразу сказать?

– Так ты поешь со мной? – невпопад спросил он.

– Нет.

– Не голодная?

– Голодная, – подтвердила я, – но не хочу сидеть за одним столом с человеком, который пытался меня убить. А еще бросил посреди леса, даже не задумавшись, как я буду возвращаться домой.

– Справедливо, – вздохнул мужчина, соглашаясь с тем, что противница не желает мириться. – Ты хочешь, чтобы я извинился?

– За то, что едва меня не прирезал? Или за то, что отдал на прокорм диким зверям?

– В том лесу не водятся дикие звери, разве что кролики и белки.

– В таком случае извинения, конечно, уместны! – огрызнулась я.

– На самом деле я пытаюсь быть вежливым, потому что Рой попросил занять тебя до вечера, – признался он. – Просто ненавижу есть в напряженной атмосфере – кусок в горло

не лезет, но раз у тебя паршивое настроение, то счастливо оставаться, Валерия. Не думаю, что тебе стоит появляться дома до темноты.

Внутри кипело.

– У меня не паршивое настроение! – фыркнула я. – Мне компанию предложили паршивую!

– Какая есть, – развел он руками.

Как заставить Кайдена вспомнить прошлое, если единственное, чего хотелось, – это заехать по самодовольной физиономии? Пусть физиономия и была отчаянно привлекательная. Молчу уж про сексапильное колечко в губе... Оставалось надеяться, что во время трапезы не возникнет желания надеть ему на голову посудину с едой или впечатать кулак в это самое колечко.

– Подожди! – позвала я, прежде чем он успел исчезнуть.

– Да?

– Я бы действительно поела, – прозвучало сердито.

Ожидала, что он переместит нас сразу к дверям какой-нибудь трапезной, но мы оказались под горой, ровно в том месте, где я спрыгнула с повозки аптекаря. Под указателем нас поджидала карета с возницей. Ливень утих, но все еще моросило. Дорога, убегавшая за скалистый уступ, напоминала мягкое сливочное масло.

Нам немедленно открыли дверь экипажа, разложили ступеньку.

– Забирайся, – скомандовал Кайден, помогая мне залезть

внутри. Сам уселся напротив и смахнул с одежды капли дождя.

– Экипаж? – не утерпела я, когда мы тронулись с места.

– Я слишком много сегодня скользил, – сухо пояснил он.

По размытой дороге мы ехали тихо, но каждый раз, когда я смотрела в окно, пейзаж менялся. Вроде только находились в низине, как затянутая дождливой дымкой долина открылась сверху. Потом вдруг брызнуло полуденное солнце и появился чистенький, умытый ливнем городок. Выглядело так, будто экипаж перепрыгивал через огромные расстояния, что невольно наводило на мысль о какой-то особенной руне, пересекающей пространство, возможно, нанесенной на карету или даже на лошадь.

– Такое уже было? – вдруг прервал молчание Кайден. Похоже, все время, пока я таращилась в окно и удивлялась резко менявшимся пейзажам, он изучал меня и выглядел, прямо сказать, нерадостным.

– Что именно?

– Мы вдвоем ехали в карете?

Я смело встретила его пронизывающий взгляд и кивнула:

– Да.

– Почему я тебя совершенно не помню?

– Задай этот вопрос себе.

Мы замолчали. В тишине было слышно, как звенели по брусчатке конские копыта, стучали колеса. Карета остановилась напротив смутно знакомого постоянного двора.

Именно сюда мы приезжали в ночь знакомства! Я была сбита с толку. Кайдэн отличался поразительным постоянством или просто хотел проверить мою реакцию?

Подворье явно процветало, было многолюдно и шумно. В прошлый раз мы приехали в темноте, погода стояла отвратительная. Изучать постройки желания не возникало, и я не разглядела ни побеленного фасада с перекрещенными рейками, ни выкрашенных в густо-коричневый цвет раскрытых ставен. На дверях светился знак Вудсов, а на раскладной доске с помощью мелка было написано дневное меню.

Нас снова проводили в отдельный кабинет, куда гвалт переполненного обеденного зала проникал лишь неразборчивым гулом. Прежде чем закрыть двери, Кайдэн тихонько отдал указания подавальщику, и пока я умывалась, принесли еду.

Мы сели за стол напротив друг друга, разделенные большой миской с куриной лапшой, котелком с мясом и блюдом с крупно нарезанными овощами, политыми янтарным маслом и посыпанными перцем. Кайдэн подхватил глубокую ложку и щедро налил супа, потом посыпал сверху порубленной зеленью. Не спрашивая разрешения, он поставил угощение передо мной, а потом в растерянности принялся хлопать себя по карманам.

– Не возражаешь? – наконец продемонстрировал он вытащенный бумажный треугольник. Раскрыв конвертик, высыпал в рот какой-то порошок и, поморщившись от горечи,

быстро запил водой.

Никогда не видела, чтобы Кайден принимал снадобья. Спрашивать напрямую, для чего порошки, опасалась, пришлось грубовато пошутить:

– Боишься, что от моей компании случится несварение?

Думала, огрызнется и пошлет куда подальше, но он очаровательно улыбнулся:

– Помогает игнорировать замечания ехидных институток. Кстати, твой парень прописал. – Он взялся за ложку. – Почему ты таращишься на меня с таким лицом, будто я умираю от смертельной болезни? Нервирует. Ешь.

– Ладно.

Поесть я всегда любила. Жаль, что здоровый аппетит у двадцатилетних девиц считался дурным тоном. Немедленно вспомнилось, как Полина с подружками три часа цедили пустой чай в дорогушей ресторации. Зачерпнув густого наваристого супа, я с наслаждением отправила первую ложку в рот и прикрыла глаза от удовольствия. Потом не удержалась, помакала кусочек хлеба в бульон и даже не заметила, как проглотила.

– Вкусно? – полюбопытствовал Кайден. Удивительно, но в его голосе не было насмешки.

– Не то слово! – промычала я. – Стыдно признаться, но я ужасно люблю поесть.

– Незаметно.

– Повезло, скажи? – Я улыбнулась, и Кайден вдруг изме-

нился в лице. Внезапно замкнулся, сосредоточился на еде.

За столом снова повисло тягостное молчание. Аппетит мигом исчез, но я продолжала глотать суп ложку за ложкой. Для магии требовались силы. Сон и еда считались лучшими источниками энергии. Коль поспать мне все равно в ближайшее время не светило, так хотя бы объесться за счет бывшего парня.

– Как ты переместилась? – спросил он, старательно избегая встречаться со мной глазами. – Миры разошлись. Лазеек больше нет, ни одной.

– Если бы не было лазеек, как бы я здесь оказалась? – Я дернула плечом и с вызовом заявила: – Ты видел детали артефакта, переместившего меня. Они лежали в клатче. И артефакторное стило тоже видел.

– Не имею привычки лазить по женским сумочкам.

– Врешь ведь.

Кайдэн отложил ложку и наконец соизволил одарить меня насмешливым взглядом:

– Хочешь сказать, что ты артефактор?

– Один из лучших в Тевете, – согласилась я. – Сложно поверить?

– Отчего же? – с иронией вымолвил он. – Ты ведь здесь.

Подобный разговор между нами уже происходил в самую первую встречу, поэтому, упреждая следующий вопрос, который наверняка крутился у него на языке, я вымолвила:

– Да, я умею создавать оружие. Легко. Но боевая магия

примитивна и безобразна. Не люблю уродливую магию. Созидать – сложнее и красивее.

– У тебя выжжена боевая руна?

Я выставила ладонь с руной «знание». Говорить о том, кто именно наградил меня первым темным знаком и фактически превратил в двуликого мага, не решилась. Правда, как и лечебные порошки, хороша только в правильной дозировке.

– Еще вопросы?

Возникла долгая пауза, и я почти расслабилась, а обруч напряжения, обхватывающий грудь, практически исчез, как раздался резкий, неожиданный вопрос:

– Как он тебя называет?

– Кто? – смутилась я.

– Ройберти Томсон.

Мы с Кайденом встретились глазами. Надеюсь, он не догадался, что я впервые слышала полное имя знахаря.

– Как он называет тебя? Голубая кровь, милая, детка...

– Лера.

Казалось, что мужчина сейчас подавится. К счастью, он не мог слышать бешеного стука моего сердца, колотившегося в груди так сильно, что становилось больно.

– Лера? – Он дернул уголком рта. – Что ж, лучше не придумаешь. Ты знаешь, как переводится Лера с древнего языка?

– Неизбежность, – не сводя с него взгляда, ответила я.

– Верно.

Если Кайдена надо было провоцировать, чтобы подстегнуть память, то замечательных возможностей он предоставлял сколько угодно. Только вот сама я не испытывала уверенности, что начатая игра была мне по зубам.

– Что, господин наследник, ваша жизнь вдруг перестала быть понятной? – чуть склонилась я к столу.

– Не стоит начинать игру, в которой ты ничего не смыслишь, чудный ребенок, – точно прочитал мои мысли мужчина. Неожиданно он вытянул через стол руку и легонько щелкнул меня по носу, как малое дитя. Не найдя слов, я только ошеломленно моргнула.

К Рою я возвращалась в гордом одиночестве. Меня усадили в карету и без прощаний отправили восвояси. Вернулась затемно, практически в ночь, когда от царившей тишины звенело в ушах. Воздух был прохладен и кристально чист. Ветер гонял сизые облака, похожие на клочья разодранных теней, и в разрывах виднелось обсыпанное звездами абрисское небо. Экипажей перед домом не было, но, судя по тому, что размякшая после сильного дождя дорога оказалась изрезанной узкими подсыхающими колеями, Кайден не соврал – днем к знахарю действительно приезжали люди.

На первом этаже горел свет. И отчего-то, глядя на озаренные окна, в душе шевельнулось нехорошее чувство. Скомканно попрощавшись с кучером и поблагодарив за спокойную дорогу, по влажной траве я направилась к дому. Тихонечко вошла. В кухне чадили свечи и резко пахло солодовым

виски. Рой сидел за столом, но даже не обернулся.

– Вернулась? – Он сделал большой глоток из стакана.

Совершенно нелогично я почувствовала себя загулявшей накануне свадьбы и пойманной на измене невестой. По теветской привычке быстро стянула у двери уличную обувь, сунула ноги в домашние туфли и хотела так же тихо, чтобы не мешать хозяину дома, ускользнуть в свою комнату, но он спросил:

– Как твой парень? Больше не пытался тебя убить?

К мелким бесам деликатность! Рой, конечно, мог выставить меня на улицу посреди ночи, но цепляться просто от дурного настроения ему никто не давал права.

– Что-то случилось? Кайдэн сказал, что к тебе приезжали гости, – стараясь не показывать раздражения, спросила я.

– Гости? – Рой криво усмехнулся.

Он бросил в мою сторону косой взгляд, и тут стало ясно, что знахарь был пьянее, чем могло показаться по твердо звучащему голосу.

– Вчера ночью умер отец, – ровно произнес он в тишине, и у меня упало сердце.

Несколько раз я тупо открывала и закрывала рот, пытаюсь выдать из себя хотя бы слово, но дар речи не возвращался. Наконец тихо вымолвила:

– Рой, мне так жаль.

– Тебе жаль? – на его губах появилась кривоватая, нехорошая усмешка. – Что ты знаешь обо мне, Голубая кровь?

Почему тебе жаль?

– Моя мать умерла от тяжелой болезни несколько лет назад. Я прекрасно понимаю, что ты чувствуешь...

– Уверена?

Он медленно поднялся из-за стола. Старался держать себя в руках, но все равно дрожал от ярости, и было понятно, что злился он вовсе не на меня.

– Отец единственный, кто оставался у меня в этом гребаном мире! И теперь он ушел, а я даже не могу приехать на погребальный обряд. Он был прав, я никчемный неудачник! Проклятье!

Стакан с виски полетел в дверцу шкафа. С грохотом раскололся, обдав мебель липкими брызгами. На пол посыпались осколки.

– Ты пьян, – спокойно вымолвила я.

– Точно! – Он ухмыльнулся. – Я рассчитываю пить всю ночь, не хочешь присоединиться?

– У меня непереносимость.

– Что? – Рой невесело рассмеялся. – То есть ты вынуждена переваривать дерьмо, что происходит в твоей жизни, на трезвую голову?

– Верно.

– Ты даже говоришь с его интонацией. – Приятель сделал нетвердый шаг и схватился за спинку стула, чтобы удержать равновесие. – Ответь мне на вопрос, Валерия: много счастья принесла тебе любовь?

– Рой, тебе надо поспать...

– Ответь! – заорал он, выходя из себя. – После того как он тебя чуть не прикончил, ты все еще рада этой своей поганой любви?

Совершенно точно я не собиралась обсуждать с пьяным знахарем перипетии наших с Кайденом сложных отношений. Да и с трезвым, пожалуй, тоже не собиралась.

– Рой, я абсолютно уверена, что завтра ты себя будешь чувствовать по-настоящему скверно. Давай помогу тебе лечь...

Я направилась к нему, чтобы поддержать, а если понадобится, то и взвалить на спину и дотащить до спальни, но он бросил, словно выстрелил мне в живот из арбалета:

– Это был я.

Казалось, между нами выросла невидимая стена. Руки упали. Я сразу поняла, о чем он говорил.

– Я заставил его забыть. – Рой ткнул пальцем себе в грудь. – Когда случился взрыв, он решил, что ты погибла. Понимаешь? Ничего страшнее в своей жизни я не видел. Он ни разу не произнес твоего имени. Но только пил по-черному, потом уходил с отрядами в дикие леса ловить отступников, приползал полудохлый сюда, очухивался, снова пил, и так по кругу. Три гребаных месяца! Он был ни на что не годен, и Огаст хотел лишить его титула.

Кажется, до меня плохо доходил смысл сказанного. Каждым словом, сказанным с ненавистью и злобой, Рой будто

обвинял меня:

– Я был тем, кто подлил ему Золотые капли.

– Что эти капли... что они делают?

– Стирают из памяти человека самые мучительные воспоминания.

– И Кайдэн забыл меня.

– Да.

– Хорошо, – ошеломленно прошептала я, стараясь собраться мыслями. – Все правильно.

– Хорошо? Все правильно? – Он скривил рот. – Голубая кровь, ты не слышала, что я сказал? Он забыл тебя, потому что это я ему помог.

– А я помогу вспомнить.

Пошатываясь, Рой приблизился ко мне, сжал плечи и склонился так, что наши лица оказались на одном уровне.

– Никогда. – От него пахло алкоголем. – Хорошо слышишь? Никогда, ни при каких обстоятельствах его воспоминания о тебе не вернутся.

– Ясно. – Оторопелая и раздавленная, я судорожно сглотнула подступивший к горлу комок слез. – Тогда я заставлю его полюбить меня снова.

– Ты совсем идиотка?

– В таком случае, может, мне тоже глотнуть Золотых капель?! – с яростью выкрикнула я, стряхивая его руки.

Знахарь отступил, с протяжным стоном растер лицо ладонями:

– Меня тошнит от самого себя!

– Ты сделал то, что должен был, – медленно вымолвила я. – Как я могу тебя обвинять? Лучше Кайден без воспоминаний, но живой, чем убивший себя из-за воспоминаний. Не находишь?

Рой смотрел долго, пытливо. А потом вдруг положил руку мне на затылок и осторожно привлек к груди. Мы обнялись, тесно и с болью, так обнимаются близкие друзья, пережившие одинаковую утрату.

– Дурочка, ты слишком добрая, – пробормотал он в мои всклокоченные волосы.

– Ты тоже меня не знаешь. Я эгоистка и вовсе не добрая.

* * *

В Абрисе чувствовалось неизбежное увядание лета. Низкие тучи ложились на рогатые горные пики, и на улице, несмотря на позднее утро, царили сумерки. Частил мелкий дождь. Натянув непромокаемый безразмерный плащ, я вышла во двор и оглядела фасад дома с темными потеками. Со стороны было совершенно незаметно, что горный коттедж превращен в тюрьму.

Присев, прямо на дорожке с помощью стило я нарисовала светлую руну «третий глаз», открывающую колдовство. Знак блеснул розоватым сполохом, а когда погас, на стенах загорелись сотни темных рун, покрывавших дом от фунда-

мента до крыши. Я присвистнула от восхищения. Идеальная магия! Она опутывала жилище, но совершенно не ощущалась. Руки чесались изучить артефакт, создающий подобное сложное колдовство. Стоило потушить «третий глаз», как знаки на стенах тоже исчезли. Прежде чем вернуться в дом, я предусмотрительно затоптала ногой выжженный на земле контур.

Рой проснулся. Растрепанный, болезненно-бледный, он жадно пил из бутылки какое-то снадобье. Судя по виду, знахарь искренне сожалел, что не помер от опьянения еще вчера, потому что сегодня чувствовал себя живым трупом.

– Доброе утро? – ухмыльнулась я.

– Не издевайся, – прохрипел он, оторвавшись от горлышка, и вытер рукавом рот.

– Виски?

– Настойка от похмелья, – болезненно морщась, он снял крышку ковшика, стоявшего на очаге, и дернулся, когда в лицо пахнуло влажным паром. – Что это?

– Острая похлебка по рецепту Валерии Уваровой, – отпартовала я. – Кайдэн утверждает, что острая еда помогает от похмелья, но каша деда Вудса – это насмешка над кулинарией.

Стянув дождевик и переобувшись в домашние туфли, я усадила страдающего знахаря за стол и, стараясь не греметь посудой, чтобы у него не звенело в больной голове, принялась накрывать завтрак. Поставила перед Роем миску с по-

хлебкой, нарезала хлеб, выложила на тарелку подтаявшее сливочное масло. Сама уселась напротив и скомандовала:

– Ешь, пока горячее.

От еды шел ароматный дымок.

– Ты проходила курсы идеальных хозяек? – сморщился он от мигрени и снова схватился за бутылочку с пряным травяным снадобьем.

– Нет, – улыбнулась я. – Несколько лет жила вдвоем с отцом. Пришлось научиться готовить.

– Что ты делала на улице? – Рой подул в полную ложку.

– Проверяла, какой замок стоит на доме.

Не донеся до рта ложку, знахарь поднял глаза от еды и одарил меня напряженным взглядом.

– Ты хотел попасть на погребение отца, – пояснила я. – Нам надо разорвать поводок и заблокировать охранное заклятье, чтобы никто не догадался, что ты освободился. Ничего сложного. Я вполне способна разобраться с артефактом, боевая магия, как правило, примитивная. Хотя должна отдать должное тому, кто тебя привязал, – он мастер своего дела. Дом светится от рун, как праздничная гирлянда, но магии совершенно не чувствуется. Почему ты не ешь?

– Я очень смутно помню вчерашний день и совершенно не помню ночь. Даже не помню, когда ты вернулась, – тихо произнес Рой. – Что я еще забыл?

– Не беспокойся, по дому в чем мать родила ты не бегал, – сыронизировала я.

– А что я тебе рассказал еще, кроме того, что мой отец... Скрывать было глупо.

– Все.

– И ты кормишь меня завтраком? – указал он на тарелку.

– Предлагаешь в отместку отравить тебя? – невесело усмехнулась я и постаралась поскорее перевести беседу на менее болезненную тему: – Когда тебе надо выехать, чтобы успеть на обряд?

– На закате крайний срок.

– Тогда поторопись. У меня времени всего полдня, чтобы разобраться в чужой магии.

Я не выпустила знахаря из-за стола, пока он не доел все до последней ложки. Кажется, после острой похлебки и ударной дозы снадобья Рой действительно почувствовал себя относительно сносно. Бледность ушла, хотя под глазами все равно лежали черные круги, а руки мелко дрожали.

Из своей спальни он принес в кухню окованный металлом ларец со знакомым знаком Вудсов на стенке. Когда я откинула крышку, то обнаружила там лежавший в деревянной колыбели шар, покрытый поблескивающими рунами.

– Ладно... Помогите мне, светлые духи... – быстро помолилась я, растирая ладони, а потом взяла сферу в руки. Она оказалась почти невесомой, и удержать ее в воздухе перед собой не составило труда.

Как и все обладатели природного дара Истинного света, во время колдовства я начинала светиться. Собственной ма-

гии видеть не могла, но считала, что зрелище было жутковатым, и искренне недоумевала, почему те, кто следил за моей работой впервые, восхищенно открывали рты.

– У тебя цвет изменился, – вдруг вымолвил Рой.

– Знаю, – отозвалась я, пытаюсь понять, как вскрыть шар. – Только чистый магический свет – серебристый.

– Скрываешь двуликость?

– Не то чтобы... Люди видят шрам на ладони и не задают вопросов, но сейчас я в академическом отпуске. Не хочется думать о том, что через пару месяцев придется колдовать в общих лабораториях.

Щелкнула пальцами, и сфера раскрылась, пыхнув злобным алым сполохом. В нижней половине лежали белые пластины с рунами. Некоторые уже не горели, видимо, их тушили одну за другой, с каждым послаблением наказания. По приказу пластины отделились от корпуса и развернулись ко мне.

– Ты мне доверяешь? – покосилась я на Роя, наконец отыскав нужный знак. Дождаться ответа не стала, просто взяла стило и острием провела по нужной руне. Свечение моментально погасло, на пластине остался черный выжженный контур, а приятель навалился на стол. Он пытался победить силу притяжения, упирался руками, но короткая борьба оказалась проиграна. Рой прилип щекой к деревянной столешнице. По ошибке я потушила руну, которая ослабляла поводок.

– Ой! – поспешно пробудила ее обратно.

– Господи, ты точно понимаешь, что делаешь? – проворчал бедняга, потирая отбитую челюсть.

– На самом деле не особо, – пошутила я и погасила на пластине соседний знак. – Как теперь?

Рой выпрямился, потом со странным видом потер шею, повел плечами, словно проверяя, не тянет ли удавка. Наконец после долгого молчания он резюмировал:

– Ошейник исчез.

– Хорошо. Теперь ты свободен, – объявила я. Пластины с рунами вернулись на место. Шар закрылся, лег обратно в выемку на деревянной подставке и потух.

Знахарь выглядел обескураженным. Наверное, подобным образом чувствовали себя все люди, которым неожиданно помогли исполнить мечту, а когда она оказалась близкой и доступной, не понимали, что делать дальше.

– А как назад? – только и спросил он.

– Когда вернешься, я подвяжу поводок. Артефакт, конечно, хорош, но все равно довольно прост. Что ты хочешь от боевой магии? – пожала я плечами, как будто знахарь действительно разбирался в тонкой разнице между созидательным и разрушительным колдовством.

– Валерия... – вдруг он запнулся и спросил: – Как тебя называют в Тевете друзья?

– Лерой. Желаешь приобщиться?

– Лерой, поедешь со мной к отцу?

Вопрос прозвучал неожиданно, и я замерла, не донеся артефакторное стило до чехла.

На занятиях по традициям Абриса нам говорили, что в отличие от Тевета, где разжигали магические погребальные костры, в параллельном мире усопших предавали земле. Рыли могилы, ставили надгробия. Не знаю, что хуже – видеть, как дорогой тебе человек сгорает дотла или как его зарывают в землю. В любом случае даже врагу не пожелаешь пережить в одиночку страшное прощание.

– Вернемся быстро, дня через три, и ты сможешь работать дальше над артефактом. – В глазах знахаря застыла нечеловеческая тоска. – А если захочешь, на обратном пути завернем на магический рынок Спелиш. Он один из крупнейших на северном материке...

– Рой, – мягко перебила я друга.

– Что?

– Конечно, я поеду с тобой.

Люди по-разному переживают утраты. Я от горя немела, перемалывала, перебалывала глубоко внутри, не позволяя никому лезть в душу. В этом мы с Роем были похожи. Он делал вид, будто ничего страшного не случилось и в поездке на другой конец северной долины не было ничего особенного.

Вещей взяли с собой немного – смену белья и одежды. Я еще спрятала на дне заплечной сумки магическое стило, а разбитое «Сердце Абриса» закрыла в ящичек из-под инструментов и опустила в тайную нишу в стене, куда прошлой зи-

мой меня саму прятал знахарь.

В Тевете с путешествиями было просто. Если здравники не запрещали магические перемещения, то через специальные ворота можно было добраться до любого места на всех трех континентах. Разве что в Выжженную пустошь не доставляли. Полчаса, и ты уже не в столице, а где-нибудь на Кайманских островах. В Абрисе нам предстояло целую ночь трястись в карете по разбитым горным дорогам. До соседнего городка добрались только в сумерках. На омнибусной станции наняли экипаж.

Когда за окном сгустилась темнота, со скальной высоты мне открылся удивительной красоты вид. Внизу, похожая на кусок черного неба, обсыпанного мириадами сверкающих звезд, раскинулась северная долина.

– Долина тоже принадлежит Вудсам? – не удержалась я от вопроса.

– Впечатляет?

– Не то слово. Не верится, что Кайдэн рискнул всем этим ради нас. Может, поэтому из всех своих воспоминаний он предпочел стереть воспоминания обо мне? – невесело пошутила я.

– Я думаю, что он сломал бы мне челюсть, если бы хоть на минуту вспомнил, кто ты.

– Что ж, – усмехнулась я, – уверяю, твоя челюсть в полной безопасности.

Некоторое время мы в молчании смотрели на огни доли-

ны.

– Почему ты никогда не спрашивала, за что меня осудили? – вдруг вымолвил Рой.

И хотя его скрывала темнота, я ощущала пристальный, тяжелый взгляд.

– Не хотела лезть тебе в душу.

Повисла тяжелая пауза.

– Я организовал побег невесты Огаста Вудса, отца Кайдена, – произнес он в тишине, – и все закончилось печально.

– Невесту вернули, а тебя предали анафеме?

– Аника погибла. Она носила ребенка от другого мужчины. Я был знахарем, обнаружившим беременность. После ее смерти из замка Вудсов изгнали десятки слуг. Всех, кого назначили соучастниками. Меня обвинили в измене и заточили в старом доме в горах.

Рою было не обязательно объяснять, почему на него пал гнев. Из-за гибели невесты скорее всего сорвалось заключение какого-нибудь важного для Вудсов союза.

В памяти невольно всплыли жесткие слова Кайдена, брошенные в минуту отчаянья: «Ты совершенно не вписываешься в мою реальную жизнь». Тогда я страшно обиделась, а он всего лишь говорил правду. Просто эта горькая правда переворачивала девчачий мирок белых занавесок, глупых поступков и розовых шор на глазах, не позволявших видеть, что я без спроса вламывалась в чужую жизнь.

– О чем ты думаешь, Лерой? – вдруг спросил знахарь.

– О том, что меня действительно стоило забыть.

На место приехали, когда солнце давно встало. Миновали колосившееся поле с покосившимся чучелом и остановились напротив фермерского дома, невысокого, словно вросшего в землю. Двери были нараспашку. Если бы у побеленной стены не стояла прислоненная крышка гроба с черным крестом, то не догадаешься, какое горе случилось в семье.

Из дома вышла невысокая полная женщина в черной ко-сынке. Рой моментально выбрался из кареты. Последовали судорожные объятия, скорые поцелуи.

– Ройберти, ты как тут? – спросила она тихо и испуганно глянула через плечо. – Уезжай немедленно!

– Тетушка, но мне разрешили приехать на похороны, – не моргнув глазом, соврал Рой.

Неожиданно из дома, пригнув голову, чтобы не задеть макушкой низкую притолоку, вышел широкоплечий седовласый паладин, несмотря на жару одетый в черное. Плохим зрением я никогда не страдала, даже издалека мужчина показался мне смутно знакомым. Как будто мы встречались прежде...

– Господин Вудс? – произнес Рой.

Огаст Вудс, отец Кайдена! Я сползла на край сиденья, чтобы меня не заметили снаружи.

– Заходи, Ройберти, – назвал он знахаря полным именем. Только я расслышала в спокойном, сдержанном тоне главы клана угрозу или Рой тоже не пропустил?

Не дрогнув, знахарь дал вознице распоряжение уезжать, а сам направился к дому. За ним семенила испуганная тетка. Двор опустел. Однако не успела карета тронуться, как дверь с моей стороны резко и неожиданно распахнулась. Я едва не вывалилась наружу и метнулась в противоположный угол сиденья. Снизу на меня с любопытством смотрел молоденький паладин.

— Попалась, — усмехнулся он. — Думала, не заметили? Выходи.

Было ясно, что в карете я все равно не останусь. Или выйду спокойно, или с помпой, то есть вытащат силой, за шкуру, как котенка. Я предпочла не устраивать представлений, даже не побрезговала рукой конвоира, коль он не додумался раскрыть ступеньку. Спрыгнула на вытопанную землю, через кожаные подошвы сандалий почувствовав исходящий от нее жар.

Фермерский дом мне невольно напомнил лесную сторожку деда Вудса, разве что размером оказался больше. Одна длинная комната с очагом и обеденным столом. Перед камином — два деревянных кресла, за лоскутной занавеской спрятана большая самодельная кровать. От порога вниз вели четыре ступеньки, отчего внутри жилище казалось просторнее, чем снаружи. Я ожидала увидеть гроб с усопшим, но его не было.

Огаст Вудс сидел в одном из кресел, а за его спиной застыли паладины. Видимо, охрана. Притихшие хозяева в раз-

говор не вмешивались, следили за допросом со стороны. Атмосфера царила такая, что, казалось, зажги кто-нибудь очаг – случится еще один Большой взрыв.

– Девчонка, – прокомментировал конвоир и все-таки толкнул меня в плечо. Больно и обидно, все равно же сама шла. Огрызаться я не посмела. Вообще, опыт меня научил, что в любой опасной ситуации стоило держать язык за зубами.

– Кто она? – скользнул по мне быстрым взглядом Огаст Вудс. В главе клана чувствовалась магическая сила, нехорошая и темная. От нее даже на значительном расстоянии бежали неприятные мурашки.

– Знакомая из деревни, – неловко соврал Рой.

– Сожительствуете? – Не дождавшись ответа, он резюмировал: – Значит, сожительствуете. Как тебя зовут, дитя?

Стыдно сказать, но от страха у меня прилип к небу язык. С трудом заставила себя открыть рот и ответить, назвав первую пришедшую в голову фамилию:

– Лерой Харрис.

– Сколько тебе лет?

– Двадцать.

– Скажи, Лерой Харрис, что подумают твои родители, когда узнают, что их двадцатилетняя дочь уехала на другой конец северной долины с беглым преступником?

– Отец не живет в северной долине. – Я вдруг почувствовала, как Рой слепо нащупал мои пальцы и крепко сжал.

Огаст едва заметно кивнул, отдавая кому-то беззвучный приказ. Вперед вышел мой конвоир и вытряхнул на пол содержимое отобранной сумки. Под ноги полетели одежда, белье, кошель с деньгами. Раскрылся учебник с темными рунами, сверху упало стило, лежавшее в неприметном кожаном чехле. У меня остановилось сердце, когда его передали в руки Огаста. Длинное, по-женски изящное стило с красивым орнаментом из светлых рун и уже темнеющим острым концом выпало на большую ладонь ведуна. Магическая вещь кричаще не соответствовала Абрису.

– Теветское стило? – изогнул брови Вудс.

– Дед после войны с собой перенес, – не моргнув глазом, соврала я. – Оно специальное, артефакторное, гораздо мощнее абрисских.

Оставалось только молиться светлым духам, чтобы Огаст Вудс ничего не смыслил в магических инструментах и не догадался, какую я несла ахинею.

– То есть ты артефактор? – Он разглядывал символы на стило.

Несмотря на то что знахарь до боли сжал мои пальцы – даже костяшки хрустнули, я ответила:

– Да.

– Ни разу не слышал о том, чтобы девушка занималась артефакторикой. Позволь спросить, где ты училась?

Знать бы еще названия магических школ Абриса, если таковые вообще имелись!

– Я самоучка.

Огаст тихо рассмеялся, словно признание его позабавило, даже откинулся на спинку кресла. А я не соврала. Меня-то всю жизнь учили светлой, созидательной магии. Темную магию приходилось изучать на ощупь, без наставников. Собира́ть знания по крупицам в теветских закрытых архивах, куда обычным адептам путь был заказан. И я находилась в самом начале очень длинного пути.

Неожиданно глава клана посерьезнел и пронзил меня таким острым, пугающим взглядом, что сердце споткнулось.

– Ты взломала печать?

По спине побежала противная капля пота.

– Господин Вудс, наказывайте меня! Девушка не имеет отношения к побегу! – выпалил Рой.

– Выведите его! – резко приказал Огаст, и знахаря препроводили на улицу.

Так страшно мне было единственный раз, когда я оказалась в доме Исаи Гленна один на один с Валентином Озеровым, окончательно свихнувшимся на ненависти к Абрису, и от моих прикосновений рушились стены междумирья.

– Это была ты? – повторил он.

Я промолчала, ведь ответ был очевиден.

– Печать ставил один из лучших артефакторов северной долины, – объявил Огаст.

Последовала долгая пауза. Смотреть в льдистые светлые глаза одного из сильнейших темных ведунов Абриса было

невыносимо, но я понимала, что если струшу, то подпишу себе смертный приговор. Оставалось прикрыться нахальством.

– Давайте заключим сделку, господин Вудс, – произнесла я, стараясь не обращать внимания, как вытянулись лица у охранников. – Я создам для вас такую печать, которую не сможет взломать даже лучший артефактор северной долины, а взамен нас с Ройберти оставят в покое. За три года отшельничества он расплатился по всем счетам.

– А если ты не сможешь?

– Приму то наказание, которое вы выберете.

– Даже смерть? – усмехнулся он.

Не знаю, каким образом мне удалось сохранить внешнюю невозмутимость. Бровью не повела:

– Откровенно говоря, я хочу дожить до глубокой старости и планов менять не намерена.

– А ты за словом в карман не лезешь.

Найти бы еще щепотку смелости в том же кармане!

– Такая сделка меня не интересует, – привел меня в замешательство Огаст. – Что ты можешь еще предложить?

– А что вы хотите? – моргнула я.

– Не к лицу девице создавать боевые артефакты. Не находишь?

– Магия, боевая или созидательная, все равно остается магией, и неважно, какую форму она примет, – дернула я плечом. – Любой артефакт требует мастерства.

Огаст помолчал, словно что-то прикидывая.

– В следующем месяце моей крестной дочери исполнится шестнадцать лет, – вымолвил он. – Создай для нее достойный артефакт, и будем считать, что твоя часть сделки выполнена. У тебя три седмицы. Чародействовать будешь в замке. Идет?

– Какой артефакт я должна создать?

– Удиви меня.

Он протянул большую мозолистую ладонь с выжженной незнакомой руной, рубец от нее пересекал даже пальцы. Отказаться в рукопожатии хозяину трети северного континента решился бы только самоубийца, а я все еще намеревалась выжить и вернуть воспоминания Кайдену. Огаст крепко сжал мою руку, а потом вдруг произнес:

– Ты прекрасно умеешь блефовать, Лерой Харрис. Кажешься такой самоуверенной, а ладошка-то влажная.

– У меня и спина взмокла, – сухо отозвалась я. – В доме очень жарко.

Нас с Роем ни на секунду не оставляли одних. Весь день, пока продолжались скромная церемония прощания и погребальный обряд, за спиной стоял кто-нибудь из паладинов. Возможно, Огаст мне и не поверил, иначе бы не заключил сделку с такой высокомерной легкостью, но подстраховаться все-таки решил. А вдруг я умею чертить руны «перемещение»? Наверное, поэтому стило мне тоже не вернули. Они же не догадывались, что светлые маги при желании могли

выжигать руны просто пальцем, пусть магия и выходила слабая – вдвоем в разлом не улизнешь.

В сумерках мы с Роем прощались. Крепко обнялись. Казалось, что знахарь провожал меня в последний путь, как только что проводил усопшего отца.

– Ты чокнутая, Лерой! – сжимая мои плечи, бранился он. – Замок Вудсов – настоящий гадючник, а крестница Огаста – избалованная принцесса. Я никогда в жизни себе не прощу, если с тобой что-нибудь случится!

– Со мной ничего не случится, – клятвенно заверила я. – С капризными принцессами мне работать не в новинку. К тому же там Кай. Он защитит меня, хотя бы ради вашей дружбы. Проведи время с семьей и возвращайся домой, а со мной все будет в порядке.

Хотелось бы мне испытывать хотя бы десятую долю той уверенности, которую я демонстрировала. Пока в голове не возникало ни одной трезвой мысли, как создавать артефакт без единой светлой руны. Оставалось надеяться, что из замка Вудсов мне все-таки удастся уйти, а не выехать на повозке ногами вперед.

КАЙДЕН

Вечер приезда Валерии в Белый замок...

– Ройберти Томсон присутствовал на погребальном обряде? – не поверил своим ушам Кайден, и от новости мигрень усилилась втрое. Он откинулся в кресле, надавил паль-

цами на глаза. Проклятье, порошки от головной боли Рой делал гораздо лучше, чем соображал.

– И еще с ним была девчонка, – добавил паладин, вернувшийся в замок, тогда как кортеж под предводительством Огаста только въезжал в долину.

– Девчонка? – Наследник выпрямился. В висках стреляло.

– Молоденькая совсем. Сказала, что артефактор и сама развязала поводок, – отрапортовал мальчишка. – Все уверены, что знахарь нанял черного колдуна.

Как они додумались до побега из-под домашнего ареста?! Кайден выполнил обещание, данное лучшему другу, организовал погребальный обряд, но не ожидал, что на похороны в глухую деревню поедет отец. Когда-то Томсон-старший был хорошим паладином и личным охранником Огаста. Однажды даже закрыл его собой от арбалетного болта. Только прошлые заслуги не спасли его сына от унижительного судилища, проведенного с единственной целью – успокоить взбешенных родственников погибшей невесты. И о своих долгах глава клана предпочитал вспоминать только после смерти бывших соратников. Иногда отдавал лично, появляясь на похоронах и произнося над могилой напыщенную речь. Другими словами, эти двое чокнутых... отшельников принесли прямо в пасть зверя!

– Хорошо, – резко вымолвил Кайден и кивнул на дверь кабинета: – Иди.

– И еще, господин наследник, – остановился в дверях

мальчишка. — Девчонку везут в Белый замок.

— Что ты сказал? — вкрадчиво переспросил тот, почти уверенный, что от головной боли на него напали слуховые галлюцинации. — Кого везут?

— Девчонку ту. Артефакторшу. Она заявила властителю, что сделает любую магическую вещь, какую он пожелает, если их отпустят. Теперь ее везут сюда. Делать артефакты...

Ладно, знахарь — у него от чувства вины перед умершим отцом наверняка помутился рассудок, но чем думала Валерия, когда заключала сделку с главой темного клана? Дерзость и самоуверенность напрочь заглушили инстинкт самосохранения?

Неожиданно Кайден вспомнил, как следил за ней в лесу, сделав вид, будто ушел. Хотел узнать, насколько она магически сильна. Двумикая нарисовала одну из сложнейших темных рун «перемещение», которая была не по зубам двум третям абрисских ведунов, пальцем на ладони. Проклятие, пальцем! Безусловно, она не вышла из пространства, а неловко вывалилась, на всю округу покрывая Кая грязными ругательствами, но даже не поморщилась после скольжения на расстояние в пару сотен миль!

Но как на нее реагировал Рой... Когда Кайден вошел в дом и молча протянул тубус с посланием о смерти Томсона-старшего, знахарь впал в гнев. Отец ушел, так и не простив сына за то, что тот получил приговор и лишил себя возможности вырасти в «большого человека». Наследник ду-

мал, что знахарь снова перебьет посуду и разломает мебель. Так бы всё и случилось. Прочитав послание, он схватился за чашку, хотел швырнуть в стену, чтобы выместить ярость, но вдруг осторожно вернул ее на место со словами:

– Это кружка Валерии.

Кайден и сам не понимал, почему во всей этой дикой ситуации, когда приходилось выступать гонцом с черной вестью, неприятнее всего его царапнуло то, что в доме, который он считал своим убежищем, некоторые вещи стали *ее* вещами.

Когда Рой узнал, что черные вестники из замка уже в пути, сразу попросил:

– Позаботься о ней. Сделай так, чтобы она до вечера не возвращалась.

– Хочешь остаться один?

– Не хочу, чтобы она столкнулась с темными ведунами, вдруг кто-то из них почувствует Истинный свет. Просто пересиль себя. И Богом заклинаю, не бросай ее посреди улицы! Она заслуживает хорошего отношения.

На свою голову Кайден поступил так, как просил лучший друг. Но в храме что-то случилось в тот момент, когда он следил за поглощенной перерисовыванием темных рун и в упор не замечавшей его девушкой. Против воли, и это было совершенно необъяснимо, он не мог отвести взгляда. Ловил каждое движение, вздох и жест. Как она шевелила губами, прищуривалась, морщила нос, водила пальцем по горевшим стенам. В голове вдруг всплыл размытый образ, будто он раз-

глядывал красивые женские руки с длинными пальцами, но с ладонью, обезображенной грубым рубцом от руны.

– У тебя такие маленькие руки, Лера. Такие тонкие пальцы.

– Руки как руки. Пальцы как пальцы.

– Но они умеют создавать удивительную магию...

И потом, когда в таверне, стараясь его задеть, она насмешливо заявила, мол, теперь его жизнь не будет прежней, мысленно Кайден согласился. Верно, не будет прежней – усложнится. В десятки, сотни раз. Из-за нее.

– Господин наследник, – вывел его из блаженного забытья голос камердинера. – Властитель вернулся.

Кайден выпрямился в кресле, потер лицо, стараясь отогнать усталость, и поднялся. Отец любил, когда его встречали с почестями. Он успел спуститься к парадным дверям дворца как раз в тот момент, когда заходил Огаст, уже окруженный лакеями и прихлебателями.

Сын поприветствовал хозяина замка скупым кивком.

– Все прошло достойно, – помедлил Огаст.

– Что ты сделал с Ройберти?

– У Ройберти умер отец. С сегодняшней ночи у Томсонов начались Дни безмолвия. Знахарь проведет их в своем доме в горах, поэтому не беспокой его.

– А девушка?

– Забавный ребенок. Она объявила себя артефактором. Представляешь? – Властитель по-доброму усмехнулся уголком рта. – Дерзких и нахальных детей надо воспитывать, но ты ведь не дашь...

Глава 3

Выскачка

В резиденцию Вудсов въезжали ночью через арочные ворота с поднятой решеткой, миновав длинный каменный мост. Конские копыта звонко били дробь по брусчатке, шелестели колеса. Я смотрела в окно и мысленно не уставала удивляться.

Не представляю, как замок выглядел днем, но в темноте он производил удивительное впечатление. За крепостной стеной пряталось множество построек из одинакового серого камня. Фасады всех зданий подсвечивались, огоньки блестяли в густых зарослях выюнка. Внутренний двор был озарен световыми шарами. Они плыли в воздухе, рассыпались крошечными мотыльками от сквозняка, а потом, точно намагниченные, собирались воедино.

Я путешествовала в карете с паладинами. За несколько часов дороги они не обменялись ни единым словом, и по прибытии руки никто мне не подал. Спрыгнула со ступеньки и огляделась. Экипаж Огаста Вудса, видимо, остановился раньше, а мы приехали к казарме, пусть она и выглядела как трехэтажный особняк. Тут я совершенно растерялась.

– Мне тоже сюда? – спросила я у одного из парней.

– Понятия не имею, – отмахнулся он.

Попутчики скрылись в особняке, карета уехала к конюшням, и я осталась среди ночи одна перед чужими дверьми. Прекрасная возможность дать деру из замка, но Огаст Вудс видел меня насквозь и понимал, что никуда я не денусь. Из-за Роя даже шагу не ступлю за ворота, пока не придумаю подарок, способный удивить пресыщенного правителя северных долин. Как всегда, самой надежной становилась та клетка, в которую человек загонял себя сам.

– Эй ты! – раздался по-стариковски дребезжащий голос, отраженный в гулком дворе от стен. Ко мне, переваливаясь на подагрических ногах, шел скрюченный старик в ливрее.

– Новая артефакторша? – недовольно прокрякал он.

– Артефактор, – машинально поправила я.

– Что?

Похоже, он страдал не только комплексом привратника, но и был туговат на ухо. Хотя, впрочем, может, и являлся глухим привратником, как в романах ужасов?

– Ничего, – сдалась я.

– Пойдем за мной. Будешь жить в людской.

Общая комната? Отлично.

– А где работают артефакторы? – уточнила я, стараясь не отставать от старого ворчуна, оказавшегося удивительно прытким.

– В башне, но тебе туда нельзя.

– А как же мне колдовать?

– В людской у тебя будет кровать, – не без ехидства про-

бурчал лакей, намекая, что собственные коленки – вполне себе сносный стол.

Светлые духи! Мне-то хотелось верить, что хозяин замка не настолько мелочный, чтобы создавать противнику скотские условия! Безусловно, я ничего не имела против общих комнат или соседства с прислугой, да и в лабораторию без разрешения главного артефактора не полезла бы, ведь непрошенный гость – хуже чумы, просто серьезная магия не терпела суеты и шума. А сколько требовал материалов самый простой артефакт!

Я вдруг почувствовала себя страшно уставшей и жутко обиженной, даже огрызаться не стала, чтобы не расплакаться.

В особняк, расположенный с противоположной стороны внутреннего двора, мы вошли через черный вход. Старик долго ковырялся ключом в замочной скважине, бормоча под нос ругательства, а потом наконец толкнул дверь. В полной темноте, ослепившей после площади, мы спустились по узкой лестнице. Я старалась держаться за стену и молила светлых духов о том, чтобы не подвернуть ногу и не скатиться кубарем.

В длинном мрачном коридоре воздух пах щелоком и тяжелой влажностью. Вероятно, здесь находились прачечные и гладильные. Нас встретила худосочная дама с недовольно поджатыми губами и одарила меня пронзительным взглядом.

– Эта?

– Она, – вздохнул старик. – Размещай.

– Куда?

– Тебе лучше знать. Не к парням же ее селить, – развел тот руками и так быстро ретировался, что его уход больше напоминал бегство.

– Идем за мной.

Она направилась в глубь коридора, мне оставалось только следовать за ней.

– Послушайте, а поесть где-нибудь можно? – спросила я у затылка суровой проводницы. – Я толком ничего не ела с прошлого вечера.

– В семь утра завтрак, – бросила она через плечо.

Другими словами, умри с голоду и не мешай людям жить. Мило.

Не стучась, женщина толкнула дверь, и перед нами открылась большая, тускло освещенная восковыми свечами комната с двумя окошками под самым потолком. Возле стен стояли двухъярусные кровати. Центр комнаты занимал длинный стол, заваленный простынями. При нашем появлении все разговоры смолкли.

– Дамы, простите за поздний визит. У вас новая жилищка. – Она указала на пустую кровать: – Девушка, которая занимала это место, уволена уже седмицу. Ляжешь здесь.

– Хорошо.

Честно сказать, после ночи, проведенной в карете, и нерв-

ного дня я была готова заснуть даже на голом полу, подложив под голову собственную котомку, но меня интересовал другой вопрос:

– А где я буду работать?

– Накорми тебя, размести, дай место для чародейства, – отвесили мне кривоватую усмешку. – Ты как будто настоящий артефактор!

– А бывают ненастоящие артефакторы? – ошетибилась я.

– Что ж, выбери себе любое место, – с издевкой она махнула рукой. – Стол здесь длинный.

Решив, что завтра утром подумаю о том, как выпутаться из дурацкой ситуации, я мотнула головой, изобразив небрежный поклон, и направилась к указанному женщиной месту. Она немедленно ушла. Я только успела бросить на кровать сумку, как из коридора донеслось испуганное восклицание:

– Господин Вудс, там же девушки!

Дверь стремительно раскрылась, и на пороге возник Кайден. Он обвел возбужденно зашущукавшуюся комнату ледяным взглядом и остановился на мне. Без сил я следила за тем, как широкими шагами мужчина пересек помещение. Не произнося ни слова, схватил меня за запястье и потащил к выходу.

– Мои вещи... – пискнула я.

– Проклятие!

Он развернулся, следом я, точно неповоротливый хвост

питона. Кайден сдернул с кровати сумку и направился к выходу. Из коридора за ней неуклюжей вереницей оторопело следили лакей и надсмотрщица. Мы даже не вышли – вылетели из людской, словно там дурно пахло. Парочка мигом потеснилась, торопясь освободить дорогу. Кайден прошел несколько ярдов и резко затормозил, заставив остановиться и меня. Он повернулся к прислуге.

– Господин Вудс, ваш отец велел разместить, но не уточнил куда... – отвечая на молчаливый вопрос, заблеял старый лакей. – Не подселишь же ее к артефакторам. Они же мужчины.

– Поэтому вы поселили мага к прачкам?

– Простите.

– Почему вы извиняетесь передо мной, а не перед *гос-
тей*, – особо подчеркнул он, хотя наверняка слышал, что я в замке являлась заложницей.

– Простите, госпожа артефактор, – недобро глянул лакей.

Я неловко переминалась с ноги на ногу. Захотелось поскорее уйти из прачечной. Всегда считала, что начинать новое дело со скандала – дурная примета. Нельзя наживать врагов, даже не найдя союзников.

– Хорошо, – отрезал Кайден и снова заставил меня бежать следом. Как на поводке. В молчании мы поднялись по лестнице, пересекли площадь, нырнули под высокую арку, где сильно сквозило, и оказались перед настоящим дворцом.

– Добро пожаловать в Белый замок, – произнес он таким

тоном, словно посылал меня к мелким демонам.

– К-куда? – не расслышала я.

– В мой дом, Валерия.

Проведя по бесконечным коридорам и анфиладам безмолвных, дорого обставленных комнат, он едва ли не впихнул меня в пустые покои. Хлопком пробудил на стенах живые светильники, загудевшие, словно газовые рожки.

Спальня оказалась небольшой. Видимо, предназначалась для не особо важных гостей, приезжавших в Белый замок с короткими визитами. Третью занимала большая кровать со столбиками, у изножья жался сундук для вещей. У стены стоял туалетный столик с тремя зеркальными створками, заключенными в резные рамы.

Кайден показал, что находилось за скромными белыми дверьми. За одной пряталась ниша для одежды, за другой была банная комната с ванной на когтистых лапах. К моей радости, в замке все-таки имелся нормальный ватерклозет.

– Будешь жить здесь, – коротко объявил Кай, бросил мою сумку на кровать и хотел уже уйти, но у порога развернулся. Он наступал так быстро, словно желал меня смять, и от неожиданности я попятилась. Уперлась спиной в столбик кровати. Последний шаг, и он приблизился почти вплотную.

Кайден сверлил меня злым взглядом, на лице ходили желваки. Он выглядел измотанным. Под глазами залегли глубокие бессонные тени, на подбородке темнела жесткая щетина. Как мне хотелось прикоснуться к тонкому колечку в уголке

нижней губы! Но я, конечно, не решилась.

Мы молчали. В напряженной тишине пространство будто трещало от магических разрядов.

— Маленькая идиотка! — вдруг хрипловатым голосом со злостью процедил он.

Развернувшись на пятках, мужчина вышел и с шумом ша-
рахнул дверь. От грохота светильники на стене рассыпа-
лись мелкими сияющими мотыльками, а я вжала голову в
плечи. Не надо было иметь навыков дедукции, чтобы дога-
даться, что Кайден Николас Вудс пребывал в бешенстве из-
за того, в какую дрянную историю мы с Роем умудрились
влипнуть.

* * *

Я проснулась резко, будто кто-то хлопнул над ухом в ла-
доши. Открыла глаза и не сразу сообразила, где нахожусь и
сколько времени. Часов в комнате не было. Ночью я не оза-
дачилась тем, чтобы закрыть шторы, и в комнату струился
прозрачный свет, словно старивший мебель и дорогую ткань
на стенах. К утру тепло, накопленное в спальне за день, окон-
чательно иссякло, а тонкое одеяло не спасало от лютого хо-
лода.

Почему же в Абрисе вечно было так холодно?

Смирившись с тем, что сон уже не вернется, поднялась.
Из любопытства посмотрела в окно и почти ничего не уви-

дела. Крепостную стену и внутренний двор затягивал густой молочный туман, словно Белый замок ночью переместился в междумирье.

Пока в ванну наливалась горячая вода, я проверила полку под раковиной, надеясь отыскать банные принадлежности, но ничего кроме полотенца и ополовиненной баночки с зубным порошком не имелось, да и те, похоже, оставил последний гость. Ужасно хотелось смыть дорожную пыль, кажется, въевшуюся в кожу, но пришлось просто помокнуть в горячей ванне. Может, не помылась, зато точно согрелась. Почистила зубы пальцем, больше рассыпав порошок, чем используя по назначению.

Кое-как завернувшись в полотенце, на цыпочках я добралась до двери и остолбенела, обнаружив в комнате горничную в сером неприметном платье. Она сноровисто заправляла кровать и даже бровью не повела, когда в спальню ввалилась полуголая девица.

– Мне приказано проводить госпожу артефактора на завтрак, – объявила служанка сухим, как столетняя баранка, голосом с незнакомым акцентом и разгладила невидимую складочку на шелковом покрывале.

– А мне надо одеться, – намекнула я, что было бы неплохо остаться наедине с кроватью, зеркалом и отражением в нем.

– Конечно. – Она вышла, но, прежде чем тихонько закрыть дверь, все-таки бросила на меня короткий, но полный любопытства взгляд.

Есть хотелось до темноты в глазах, и собиралась я как лицеист, проспавший вступительный экзамен. Быстро, всполошенно, делая кучу совершенно ненужных движений. Путаясь в штанинах, натянула серые лосины. Не с первого раза справилась с пуговицами на рубашке. Пальцами расчесала спутанные грязные волосы и завязала их в хвост. Несколько прядей моментально выбились, но было не до красоты. Вообще, весь мой вид кричаще не соответствовал аристократическому замку. Лосины слишком обтягивали, рубашка почти не прикрывала бедра, и вместо туфель я была обута в босоножки. С другой стороны, повезло, что вообще смену одежды и белья прихватила.

– Пойдем? – вышла я в коридор.

Горничная протянула ключ и предложила:

– Закроете замок или зажжете запирающую руну?

Безусловно, руну, нанесенную в центре двери, было пробудить несложно, но проблема состояла в том, что абрисские ведуны не умели колдовать без стило в отличие от светлых магов. С непроницаемым видом я забрала ключ и два раза провернула в замочной скважине.

Служанка шла быстро, заставляя меня нестись едва ли не вприпрыжку, небрежно роняла объяснения, какую гостиную мы минули и возле чьего портрета не остановились. Складывалось впечатление, что она специально заостряла внимание на заметных предметах, словно ставила флажки, чтобы чужачка не заплутала, возвращаясь обратно. Если так, то уси-

лия горничной пропали впустую, я запуталась и перестала различать богато обставленные гостиные сразу после третьего поворота.

– В замке просыпаются рано. Завтрак в семь утра, – объявила она.

– А сколько сейчас времени? У меня в комнате нет часов.

– Время завтрака, – последовал сдержанный ответ.

– Как тебя зовут? – резко спросила я.

От неожиданности горничная затормозила. Она испуганно глянула на меня, а потом опустила голову:

– Меня зовут Ирма, госпожа артефактор.

– Лерой. – Я протянула руку.

– У нас не принято... слугам...

– А у нас принято представляться, когда с кем-то знакомишься. – Я схватила ее холодную шершавую ладонь и крепко пожала. – Будем знакомы, Ирма. Тебя приставили следить за мной, так ведь? Тогда можно попросить принести в комнату щелок и мыльную пену для волос? Очень помыться по-человечески хочется.

Губы девушки были крепко сжаты, но уголки все-таки дернулись от едва сдерживаемой улыбки.

– К слову, я тут тоже вроде служанки, – вздохнула я, отпуская руку новой знакомой. – Только мне денег не платят.

До столовой мы дошли в молчании. Ирма открыла передо мной дверь в просторный зал с огромным камином и светлыми стенами. За длинным, сервированным для завтрака сто-

лом практически не осталось мест.

– Здесь проходят трапезы у артефакторов, алхимиков и знахарей. Слуги едят в другом здании.

– Угу.

Судя по всему, девушки в этой столовой тоже не ели, а только прислуживали. Мне придется завтракать, обедать и ужинать в огромном зале, полном мужиков. Приятного аппетита, тихоня Лерой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.